

В журнале "Критическое Обозрение"
№ 1-2, 1922-1923, в № 1-2, 1924-1925
Париж: издательство "Современник"

ПЕРЕПИСКА АНДРЕЯ БЕЛОГО И М.О.ГЕРШЕНЗОНА

*Вступительная статья, публикация и комментарии
А.В.Лаврова и Джона Мальмстада*

Крупнейший историк русской литературы и общественной мысли, публицист, философ и культуролог Михаил Осипович Гершензон (1869–1925) принадлежал к числу тех спутников жизни Андрея Белого, о которых писатель высказывался с неизменным восхищением и теплотой во всех версиях своих мемуарных сочинений. Все литературные портреты Гершензона, вышедшие из-под пера Белого, рисуют – отражая при этом в полной мере привычное общее пристрастие мемуариста к гротеску и шаржу – едва ли не идеальный образ. Таких портретов у Белого три – в «берлинской» редакции воспоминаний «Начало века» (1922–1923), в некрологическом очерке «М.О.Гершензон» (1925) и в последней мемуарной книге «Между двух революций» (1933).

Первый мемуарный портрет был воссоздан еще при жизни Гершензона. В отдельной главе, ему посвященной, Белый, не жалея красок и экстравагантных метафорических уподоблений, в подробностях повествует о первом визите Гершензона к нему, предпринятом ради того, чтобы пригласить к сотрудничеству в критико-библиографическом журнале «Критическое Обозрение»: «Однажды в передней раздался звонок: попросили в переднюю (был еще ранний час, утренний); передо мною стоял очень маленький, очень нахмуренный, весь пережатый какой-то, чернобороденький господинчик, лет, может быть, около пятидесяти, может быть, сорока, может быть, тридцати лишь пяти с прегустейшей растительностью цвета корончатого крыла подбородка и щек (но не длинной), с густейшими очень содвинутыми бровями» – и т. д.: детальное описание внешности, сменяющееся передачей впечатлений от последовавшей беседы: «И тотчас же затормозил споями, не глядя в лицо мне, а глядя на горло (он ниже был ростом), испещкался,

всплывался, как вдруг закипевший кофейник, выбрасывающий вместе с темной струей душистого кофе кофейную гущу; и я растерялся (приход Гершензона ко мне был мне крайне приятен); и он растерялся <...> и подобно тому как горячий кофейник, закупорившись у носика гущею, не струит, только капает в чашку, хотя переполнен до края он, после же изливает душистый свой дар благодатно и щедро, – так маленькая фигурка М.О.Гершензона сперва заявила сознанию моему о себе только гущей взволнованных звуков: и вдруг прямо хлынула – темной и жаркой струей приятнейшего для меня предложения: стать сотрудником *“Обозрения”* и написать в нем рецензию об одном из явлений, которое виделось мне хулиганским явлением; он поспешил заявить, чтобы я не стеснялся почтенностью тона *“Критического Обозрения”*, а написал в таком стиле, в каком я писал для *“Весов”*; и он прибавил, что он уж давно за статьями моими следит, соглашаясь с нашей *“весовской”* полемикой и весьма одобряет меня за нещадность и резкость по адресу литературной распушенности <...>¹.

В дальнейшем мемуарном изложении метафорика превращается в мифопозетику – Гершензон является в фантастическом образе: «...оказался он мудрым Мерлином, волшебником, где-то прозором увидевшим опасности, мне угрожавшие»; «встреча моя с Гершензоном мне памятна; раненный в битвах и все потерявший, нашел я пещеру волшебника; с этой поры стал я часто навещать к волшебнику, одарявшему мудростью жизни совсем бескорыстно»². Гершензон-Мерлин предстает также «поваром самой культуры», «розенкрейцером нашего времени», духом горной местности Рубецалем; Гершензон в сознании Белого – верховный жрец, дух-хранитель культуры и его собственный ангел-хранитель. В некрологическом очерке о Гершензоне Белый избегает прямых мифологических ассоциаций, однако по сути заявляет то же самое: «Когда я вспоминаю покойного, нервную и торопливую речь его, точно мгновенными молниями освещающую горизонты культуры, – я ею охвачен: опять и опять; изумление и благодарность, светлейшая радость и грусть во мне борются; грусть, что вот он, такой огненный, юный, всем нужный и всеми любимый, ушел: но во мне подымается радость, что я в продолжении шестнадцати лет имел счастье выслушивать ряд указаний его, ряд советов; я видел его за работой, в семье; у него я учился; и черпал ряд импульсов, нужных весьма для работы моей. <...> Такой незатейливый, скромный порой до чрезмерности, неутомимо трудился в своем кабинетике он; вместе с тем – был таким он большим, тесно впаданным в сферу культурной работы России; он жил в своем времени, – был этим временем; был он порой атмосферою времени: личность его перешла в атмосферу, творимую им; и поэтому в смерти он жив; и она не прерывает его цепи работ; он работает в нас своим светом и правдою»³.

Эти слова появились в печати в ту пору, когда уже было ясно, что несправимого идеалиста и «веховца» Гершензона ожидают в советской сре-

¹ Андрей Белый. Начало века // ГПБ. Ф.60. Ед.хр.12. Л.197-199. *

² Там же. Л.199-200.

³ Андрей Белый. М.О.Гершензон // Россия. 1925. № 5(14). С.243, 244.

де лишь хула и забвение. Но Белый остался верен своим оценкам лично сти покойного друга и в начале 1930-х гг., совсем незадолго до того, как И. Лежнев, ответственный редактор журнала «Россия», поместившего его некролог о Гершензоне, назвал «ярким психиком» гершензонскую статью в «Вехах» — «книге во всех отношениях похвальной». Глава о Гершензоне в мемуарах «Между двух революций» по существу мало чем отличается от аналогичной главы в мемуарах, писавшихся десятилетиями ранее в Берлине: изменение идейных акцентов — заметное, но весьма незначительное, общий абрис фигуры — тот же, моральный пафос — тот же, даже те же упоминания закипевшему кофейнику, Мерлингу и Рубецкому.

Столь примечательное для Белого постоянство в характеристиках и оценках позволяет в данном случае заключить, что, по всей видимости, в своих литературных портретах Гершензона он верно передал общую тональность взаимоотношений с ним и событийную канву этих взаимоотношений — разумеется, с учетом подчеркнуто субъективного их освещения как и многие другие современники, Гершензон для Белого — это «его» Гершензон, образ, в такой же мере вбирающий черты своего реального прототипа, в какой — и мифотворческие установки автора. Характерно, что этот индивидуальный подход по-своему внешне преломился в упорной неспособности — неумении, нежелании? — Белого правильно писать фамилию своего близкого знакомого и автора многих прочитанных книг и статей Гершензон для Белого — «Гершенсон», и только; других начертаний этой фамилии в его автографах не встречается (в приводимых цитатах из Белого мы эту особенность не сохраняем).

Характерное для воспоминаний Белого ретуширование, а иногда и заведомое искажение реальных образов при достоверном или по крайней мере не вступающем в резкие противоречия с документальными свидетельствами — освещении жизненных фактов, не подтверждается мемуарными портретами Гершензона. Образ в них запечатлен, видимо, таким, каким он отложился в сознании Белого, без продиктованных приходящими обстоятельствами коррективов, фактическая же сторона взаимоотношений отражена с существенными неточностями. Часть этих неточностей выявляется, в частности, благодаря переписке Белого и Гершензона, в целом лишь по касательной затрагивающей историю их общения, по преимуществу устного и визуального: оба писателя на протяжении длительного времени жили по соседству, в одном из арбатских переулков.

Переписка, прежде всего, дает иную картину знакомства Белого и Гершензона, чем та, которая представлена в мемуарных версиях. И ретроспективных автобиографических регистрационных записях начало общения отнесено к осени 1908 г.: «Знакомство с Гершензоном; сотрудничество в “Критическом Обзоре”» (октябрь 1908 г.)⁴; «знакомство и начало дружбы с

⁴ Лежнев И. Записки современника. Том I. Истоки. Изд. 2-е. М., 1915. С. 153, 149.

⁵ Андрей Белый. Материал к биографии // РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 2. Л. 49 л. 56.

Гершензоном; пишу рецензии для "Критического Обозрения"⁶. В «берлинской» редакции «Начала века» начало встреч с Гершензоном отнесено к зиме 1908–1909 г., а в «Между двух революций» – уже к ноябрю 1907 г.⁷ Эффектному эпизоду появления Гершензона в квартире Белого с предложением сотрудничества в «Критическом Обозрении», описанному в мемуарах, предшествовало, однако, эпистолярное знакомство: Гершензон еще 27 марта 1907 г. обратился к Белому с предложением написать рецензию для первого выпуска «Критического Обозрения», на которое тот ответил согласием (обращение в этих письмах «Милостивый Государь» говорит о том, что корреспонденты тогда еще не были лично знакомы⁸). Описанный в воспоминаниях визит Гершензона состоялся, вероятно, не ранее осени 1908 г., тогда же начались и регулярные личные встречи (в письме Гершензона от 20 октября 1908 г. при перечислении посетителей, которые были у него «в последние дни», упомянут и «Андрей Белый, поэт декадентский, очень милый и умный человек»⁹), но эти контакты явились продолжением уже установившихся прочных литературных связей.

В московском журнале «Критическое Обозрение», выходившем в 1907–1909 гг. (редактор-издательница Е.Н.Орлова, с вып. 6(11) за 1908 г. – Б.А.Кистяковский), Гершензон был не вседержителем (как может показаться по мемуарам Белого), а лишь редактором литературного отдела, одного из шести (философским отделом ведал Н.Д.Виноградов, экономическим – И.М.Гольдштейн, позднее П.П.Гензель, юридическим – Б.А.Кистяковский, естественно-научным – Н.К.Кольцов, историческим – Д.М.Петрушевский). Хотя Гершензон, связанный дружескими отношениями с Е.Н.Орловой, и был ее «фактическим создателем»¹⁰, материалы руководимого им отдела занимали в этом «профессорском» журнале сравнительно скромное место, к тому же отзывы на историко-литературные издания и на новинки современной литературы распределялись приблизительно в равной пропорции. Открытость Гершензона навстречу авторам из символистского круга выразилась в том, что среди рецензентов литературного отдела оказались Вяч. Иванов, В.Брюсов, Б.Садовской, В.Розанов; наиболее активным из них был Андрей Белый, поместивший в «Критическом Обозрении» 5 рецензий (всего же в литературном отделе журнала за три года его существования появилось немногим

⁶ Андрей Белый. Ракурс к Дневнику // РГАЛИ. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.100. Л.45.

⁷ Андрей Белый. Между двух революций. М., 1990. С.249.

⁸ Ср. такое же обращение в первом письме (от 7 декабря 1907 г.) Гершензона к К.И.Чуковскому (с предложением написать отзыв для «Критического Обозрения»), явно предшествовавшее их личному знакомству (История одной невесты, рассказанная в рецензиях и письмах М.О.Гершензона и К.И.Чуковского / Вступ. статья, комментарии и публикация писем И.Андреевой // Литературное обозрение. 1992. № 11/12. С.66).

Гершензон М.О. Письма к брату. Избранные места / Вступ. статья и примечания М.Цявловского. <Л>, 1927. С.171.

¹⁰ Макагонова Т.М. Дни и труды М.О.Гершензона. (По материалам архива) // Записки Отдела рукописей <Российской гос. библиотеки>. Вып.50. М., 1995. С.32.

более 50 рецензий). Был напечатан в «Критическом Обозрении» и очень сочувственный отзыв о книге Андрея Белого «Пепел», Гершензон указал его Вячеславу Иванову¹¹. Все это, однако, не означает, как, опять же, можно заключить, если всецело довериться Белому, что Гершензон в «Критическом Обозрении» готов был солидаризироваться с позициями символистских «Весов». Разделяя во многом полемический настрой Белого и сочувствуя его усилиям в борьбе с «мистическим анархизмом» (см., например, письмо 11), Гершензон отказывался предоставлять страницы «Критического Обозрения» материалам «кружкового» характера, продиктованным обстоятельствами межфракционной литературной борьбы: он отверг отзыв Белого о «Трагическом Зверинце» Л. Д. Зиновьевой Аннинской, а также первоначальный вариант его рецензии на «Покрывало Инды» Л. Чуковского: тексты, безусловно, насыщенные атмосферой интрисимболистской полемики между «москвичами» («весовцами») и «петербуржцами». Факты, извлекаемые из переписки Белого и Гершензона, вновь не согласуются со словами, которые мемуарист влагает Гершензону в уста: «Переносите ка являю "весовские" пулеметы ко мне; продолжайте отсюда обстрел всех позиций»¹².

В мемуарах, описывая Гершензона в период издания «Критического Обозрения», Белый явно наделяет его чертами, лишь позднее сложившимися в целостный образ. Обозначенная в описаниях внешности контрастная неопределенность восполняется двойственностью общих характеристик: высокий моральный авторитет заставляет с первых дней знакомства воспринимать Гершензона как старшего наставника и едва ли не представителя поколения «отцов» (в реальности возрастная разница между ним и Белым составляла 11 лет), как маститого и почитаемого литератора, «написавшего прекрасные книги»¹³ (на деле же лишь в конце 1907 г. Гершензон, имевший за плечами более 170 публикаций¹⁴, издал две книги, получившие широкий общественный резонанс, — «П. Я. Чаадаев. Жизнь и мышление» и «История Молодой России»), — и в то же время это «юный, живой, темпераментный человек», и за неделю до смерти он «как всегда молодой и кипучий»¹⁵. Гершензон для Белого одновременно — старец (мудростью, познаниями) и

¹¹ См.: Критическое Обозрение. 1909. Вып. II. С. 44-48. Гершензон просил Вяч. Иванова написать рецензию на «Пепел» в письме от 8 января 1909 г. (РГБ. Ф.109. Карт.16. Ед.хр.9).

¹² Андрей Белый. Между двух революций. С. 253. Ср. интерпретацию тех же обстоятельств в некрологической статье Белого о Гершензоне: «В 1908-1909 годах редактировал он "Критическое Обозрение"; тогда же предоставлял страницы журнала он мне; в то время косились на нас, "символистов", мое появление в журнале, наверное, ставило в очень неловкое положение М.О.: я писал без "цензуры" в журнале, он шел к нам навстречу к непритяжимым; был, вероятно, единственным он из "почтенных", "весьма уважаемых критиков", не любившимся нас, "молодых" и "дикайших" <...>» (Россия. 1925. № 5(14). С. 255).

¹³ Андрей Белый. Между двух революций. С. 250.

¹⁴ См.: Берман Я.З. М.О. Гершензон. Библиография (Груды Пушкинского Дома АН СССР). «Одесса», 1928.

¹⁵ Россия. 1925. № 5(14). С. 256, 252.

юноша (темпераментом, творческим пафосом): «...напоминал он священного скарабея Египта; такой он был старый старинною мудростью; вместе с тем жаром своим и всегдашним кипением был он как юноша, смело готовый искать вовсе новых путей – там, где более поздние генерации начинали бояться новаторства: он любовался каким-то квадратом Малевича, в супрематическом творчестве видя глубокую мысль; он же видел значение текста библейского так, как его увидал бы современник великого Моисея; он есть совершенно прекрасный вполне богоизбранный вещий еврей, отдающий свои драгоценные силы творению русской культуры и объясняющий русским “дух” русского прошлого»¹⁶. На мемуарный портрет Гершензона – во всех его вариациях – ложатся отсветы образа, более всего волновавшего Андрея Белого в пореволюционный период его творческой деятельности, – образа профессора, гениального чудака и ученого-провидца; образа, воплощенного в декане Летаеве («Преступление Николая Летаева», 1921; позднее – под заглавием «Крещеный китаец»), профессоре Коробкине («Москва», «Маски») и навеянного воспоминаниями об отце, профессоре Н.В.Бугаеве¹⁷; «патерналистское» начало проступает и в Гершензоне глазами Белого. Характерно, что некрологический очерк о Гершензоне Белый писал, отрываясь от работы над романом «Москва» (законченном в сентябре 1925 г.); характерно также, что образ «Гераклита Претемнейшего», к которому апеллирует профессор Коробкин¹⁸, возникает у Белого и в связи с Гершензоном: «...был с Гераклитом он физиком <...> Он учился у мира явлений в расплавленно-пламенных круговоротах текущего; “логос” его – Гераклитовский “логос” <...>; он – верный поклонник огня Гераклита»¹⁹.

«Сближение с Гершензоном» Белый ретроспективно датирует январем 1909 г., сентябрем того же года – «частые встречи с Бердяевым, Булгаковым, Гершензоном»²⁰. Интенсивности общения способствовало топографическое соседство. «Он стал мне родным, – вспоминает Белый; – я утрами сюда заходил, чтобы поведать М.О. о насущных заботах своих: попросивши указаний, совета... М.О. откликался: и мыслью, и чувством, и волей к добру, в нем живой; так-то начали складываться отношения, которыми счастлив; пятнадцать лет ясных, сердечнейших отношений – не шутка!»²¹

¹⁶ Андрей Белый. Начало века. Л.205. Ср. оценку Гершензона, сформулированную В.В.Розановым: «Мих. Осипов. Гершензон к печали русской и стыду русских – лучший историк русской литературы за 1903–1916 гг. <...>» (Переписка В.В.Розанова и М.О.Гершензона. 1909–1918 / Вступ. статья, публикация и комментарии В.Проскуриной // Новый мир. 1991. № 3. С.219).

¹⁷ См.: Иванов Вяч. Вс. Профессор Коробкин и профессор Бугаев. К жанровой характеристике романа «Москва» Андрея Белого // Москва и «Москва» Андрея Белого. М., 1999. С.11–28.

¹⁸ Андрей Белый. Московский чудаки. Первая часть романа «Москва». М., 1926. С.210.

¹⁹ Россия. 1925. № 5(14). С.245, 258.

²⁰ Андрей Белый. Ракурс к Дневнику. Л.46об., 49об.

²¹ Андрей Белый. Начало века. Л.201.

Идейной доминантой этого сближения стал знаменитый сборник статей о русской интеллигенции «Веки», составленный по инициативе Гершензона и вышедший в свет в марте 1909 г.²² К тому времени для Белого уже отошли в прошлое его «крайние» взгляды, характерные для периода революционно-го подъема, и «Веки» послужили живым стимулом для того, чтобы публично отмежеваться от установок общественно-политического радикализма. В статье «Правда о русской интеллигенции» Белый решительно выступил против нападок на «Веки», назвав сборник «замечательной книгой» и «русская интеллигенция не может не видеть явной правдивости авторов и красноречивой правды слов о себе самой»; среди авторов «Веки» горячее сочувствие у него вызывает Гершензон, который «спасает нас правду». В мемуарах Н.В.Валентинова этой теме уделена специальная глава «Веченно А.Белого "Веками" Гершензона», в которой автор – социал-демократ, в прошлом большевик – в подробностях описывает свой бурный спор с Гершензоном, происшедший на квартире Белого, вероятно, незадолго до выхода «Веки»: гневные инвективы Гершензона против революционной интеллигенции вызвали тогда, к изумлению Валентинова, молчаливое одобрение Белого «Недомый Гершензоном, и сменяя в конце 1908 г. веки – а постоянно менять их отвечало его натуре, – Белый отвернулся от "общественности", притягивавшей его в 1905 и 1907 гг. и почти весь 1908 г., ретрагирует Валентинов – С революцией он "сдирал" ее ореол, а с руководительницы ее – интеллигенции – "маски". Взгляды, усвоенные от Гершензона, отразились в созданных после этого произведениях Белого – в небольшой доле – в "Серебряном голубе", в громадной – в "Петербурге"»²³. Приводя далее весьма значимую и ответственную фразу из предсмертных мемуаров Белого «Гершензона считаю и

²² См.: К истории создания «Веки». Публикация Н.Прокуриной и В.Алдея // Минувшее: Исторический альманах. Вып.11. Париж, 1991. С.240-291; Прокурина В. Течение Гольфстрема: Михаил Гершензон, его жизнь и миф. СПб., 1998. С.107-161.

²³ Андрей Белый. Правда о русской интеллигенции. По поводу сборника «Веки» // Весты. 1909. №5. С.65-66, 67. 29 июня 1909 участники «Веки» А.С.Изгоев информировал Гершензона: «В №5 "Весты" есть хвалебная статья А.Белого» (Минувшее. Вып.11.Указ.изд. С.275). В книге «Течение Гольфстрема» В.Прокурина усматривает дополнительную причину появления эпистолического отклика Белого в том, что «Веки», по ее мнению, «выписывались в общий символистский литературный контекст, в котором полемика "московской" партии (В.Брюсов, А.Белый, Эллис, С.Соловьев) против "петербургских" именников (А.Блок, Вяч.Иванов, а также идеолог "мистического анимизма" Г.Чулков), разлагающих теургическое творчество в политике и эротике, приняла ожесточенный характер» (С.136).

²⁴ Валентинов Н. Два года с символистами. Под ред., с предисловием и примечаниями проф. Г.П.Струве. Stanford, California, 1969. С.214. См. также Levin Arthur. Andrey Bely, M.O.Gershenzon and «Vekhi» A Rejoinder to N.Valentinov // Andrey Bely. A Critical Review / Ed. by Gerald Janacek Lexington, Kentucky, 1978. P.169-180.

крестным отцом романов моих»²⁵, – Валентинов заключает, что «перманентное, но мягкое давление» Гершензона на Белого заключалось главным образом в приобщении писателя к «веховской» идеологии.

Возникали, однако, и в эту пору идейного сближения Белого и Гершензона определенные антагонизмы между ними. Наиболее острый конфликт (закономерно обойденный вниманием в мемуарных свидетельствах Белого о Гершензоне) наметился после появления в «Весах» в авторской рубрике Белого «На перевале» его статьи «Штемпелеванная культура». В ней Белый, развивая на свой лад концепции Э.К.Метнера (близость с которым тогда была манифестирована совместным основанием издательства «Мусaget») и щедро цитируя его статью «Эстрада», противопоставляет высокие духовные начала культуры арийских народов современной нивелирующей, «штемпелеванной», «интернациональной» культуре, засилье которой объявляется следствием еврейской экспансии в европейскую культуру. Хотя статья Белого изобилует оговорками о том, что «евреи – глубокоталантливый, способный и самобытный народ», что «среди еврейства есть отдельные личности <...> способные глубоко проникнуть в дух арийского творчества», что «упорство воли и страстность, свойственная семитской расе, проявляется у евреев в форсированном интересе одновременно к искусству всех культур»²⁶, – реакция на нее оказалась вполне предсказуемой.

В ретроспективных записях Белого о ноябре 1909 г. зафиксировано глухое сообщение: «Мои инциденты с Гершензоном и с Эфросом (Абрамом). Бойкот меня»²⁷. Содержание инцидента Белый раскрывает в позднейшем письме к Иванову-Разумнику (начало марта 1925 г.), написанном под знаком переживаний, вызванных кончиной Гершензона: «А ведь порою “какою кипучкой” он был: раз на меня – натопал, накричал, почти выпнул от себя (за заметку “Штемпелеванная Культура”); я – смутился; и – внутренне сказал себе: “Заслужу прощение”... И – заслужил; дулся на меня два месяца; и после – вернул расположение; и как от “сердца” – кричал, так от “сердца” – простил; и весь этот случай между нами остался в моей памяти не как огорчение, а как – ей-Богу – светлое воспоминание, как “нежность” к Гершензону»²⁸. По всей вероятности, намек на объяснения с Белым по поводу «Штемпелеванной культуры» содержится в письме Гершензона к родным от 24 ноября 1909 г.: «На прошлой неделе сразу приехали Сологуб с женой и Андрей Белый. <...> Белый милейший юноша, очень талантливый, но немного сбитый с толку»²⁹. «Сбитый с толку» – эти слова весьма харак-

²⁵ Андрей Белый. Между двух революций. С.266.

²⁶ Бугаев Б. На перевале. XIV. Штемпелеванная культура // Веса. 1909. №9. С.76.

²⁷ Андрей Белый. Ракурс к Дневнику. Л.50об.

²⁸ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. СПб., 1998. С.312.

²⁹ Гершензон М.О. Письма к брату. С.173. Возможно, к упоминаемой встрече относится недатированная записка Гершензона Белому: «Дорогой Борис Николаевич, ежели Вы сегодня не заняты, не зайдете ли? Я простужен, уже не-

терны для Гершензона, неизменно принципиального и последовательного в отстаивании своих убеждений, но при этом готового понять своего оппонента, осмыслить психологическую подоплеку или призывающие обстоятельства, определившие занятую им позицию (показателей в этом отношении эпистолярный диалог Гершензона с Розановым, со всей остротой затрагивающий все тот же «серебряный вопрос»). Перистидо, и сам Белый принял, что в данном случае он «сбился с толку», формируя книгу статей «Арабески» (запись об этом в «Рассурке к Дневнику» непосредственно соседствует с сообщением об «инциденте с Гершензоном»), включившую в себя большинство статей из «несовского» раздела «На перепутье», он «Штемцелеванскую культуру» туда не включил. Учитывая критику Гершензона и других «многих друзей из евреев», а также переживания по поводу статьи «о черносотенном круге»¹⁰. Идеи, продиктовавшие «Штемцелеванскую культуру», в какой-то мере довели над сознанием Белого и явно или подспудно сказывались и в других его произведениях¹¹, однако, касаясь этого вопроса, не приходится подвергать сомнению искренность писателя в его подлинявших мемуарных записях «К материалам о Блоке» (1921) — сделанных для себя и не предназначенных для печатного воспроизведения — о раннем «мусagetском» периоде: «...я, инспирированный Метнером в эти месяцы, переживал нечто вроде «жидобоязни» (скверная болезнь, прыжки прошедшая); это — эпоха моей заметки «Штемцелеванская культура»»¹².

Скоротечность описанного инцидента сводилась и в том, что Белый не раз пытался привлечь Гершензона к сотрудничеству в «Мусagetе». Правда, выступить в «Мусagetе» его книгу не удалось (см. письмо 14), однако Белый надеялся на участие Гершензона в «мусagetском» сборнике, прообразом которого мыслились все те же «Вехи». 2 октября 1910 г. Белый писал Э.К. Метнеру: «Вчера обсуждали очень на мой взгляд интересный пункт: выпустить громовый сборник, написанный на самую горячую тему, который так же вошел бы в сознание общества, как «Вехи», разошедшиеся в 19000 экземпляров <...> И не будет компромиссом, если в роли чужих пригласить («имена») Мережковского, Пессе (общественник-синдикалист), Бердяева («Вехи»), Гершензона («Вехи»), Орна <...>, рассматривая Вас, Вячеслава, Эллиса, меня как своих»¹³. Замысел этот разлетелся в воздухе — как, впрочем, и многие другие «мусagetские» начинания.

делю не выхожу. У меня верно будет Ф.К. Сологуб. Ваш М. Гершензон (РГАЛИ. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.170).

¹⁰ Андрей Белый. Начало века // ГИИ. Ф.60. Ед.хр.13. Л.87.

¹¹ См.: Безродный М. О «жидобоязни» Андрея Белого // Новое литературное обозрение. 1997. №28. С.100-125; Эткинд А. Солом и Пессе. Очерки интеллектуальной истории Серебряного века. М., 1996. С.277-278; Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. Исследования и материалы. М., 1999. С.72-74.

¹² Андрей Белый. О Блоке. Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи. М., 1997. С.462.

¹³ РГБ. Ф.167. Карт.2. Ед.хр.18. Вячеслав. Вяч.И.Иванов

Новый этап интенсивного общения Белого с Гершензоном начинается с осени 1916 г. – со времени возвращения Белого в Москву после длительного пребывания за границей, в антропософской среде. Белый фиксирует постоянные встречи с Гершензоном, начиная с сентября 1916 г.; в записях об октябре 1916 г. отмечает: «Выстаиваются, так сказать, мои частые посещения: 1) Гершензона (дружба), 2) Булгакова»³⁴. В те же месяцы Белый читает «философские статьи Гершензона»³⁵ (в другой записи о сентябре 1916 г.: «Читаю книгу Гершензона»³⁶ – какую, неясно), 16 января 1917 г. присутствует на публичной лекции Гершензона «Мудрость Пушкина»³⁷. В последнюю декаду сентября 1916 г. Белый знакомит Гершензона со своим новым романом – «Котиком Летаевым»: «Чтение „Котики“ у Гершензона с беседой»³⁸. Свое восторженное отношение к роману Белого Гершензон выразил в «Заметках о Пушкине» («I. Недра»), опубликованных в «Биржевых Ведомостях» за 30 декабря 1916 г. (№ 16010) и позже перепечатанных в его книге «Мудрость Пушкина» (под рубрикой «Пушкин и мы»). «Быть может, впервые нашелся человек, задавшийся дерзкою мыслью подсмотреть и воспроизвести самую стихию человеческого духа, – так характеризует Гершензон художественную сверхзадачу «Котики Летаева». – <...> если искусство никогда не довольствовалось изображением внешних проявлений духа, если оно во все века стремилось вскрывать глубины, – то в сердцевину, в огненный центр бытия, никто не пытался проникнуть, по крайней мере сознательно. Андрей Белый – первый художник, который поставил себе эту цель. <...> То, что мы называем иррациональным в духе, показано нам здесь непосредственно ad oculos, само по себе, а не чрез периферические свои проявления. Скульптор должен знать анатомию, но он показывает нам игру мускулов под кожей; Андрей Белый удалил кожу, мышцы, он вскрыл страшные и безобразные недра, – они лежат открытые пред нами и живые, в своей ужасной змеиной подвижности. <...> Нужно ли показывать недра? Мы до сих пор не умели и не хотели их видеть; если нашелся человек, который умеет, значит, это нужно, значит, пришел срок нам их видеть»³⁹.

Размышляя о «Котике Летаева», Гершензон исходит из тех иррациональных постулатов собственного мироощущения, которые находят множество соответствий в представлениях Андрея Белого о мире, человеческом

³⁴ Андрей Белый. Ракурс к Дневнику. Л.82об.

³⁵ Там же. Л.82.

³⁶ Андрей Белый. Работа и чтение // РГБ. Ф.25. Карт.31. Ед.хр.6.

³⁷ См. письмо Гершензона к родным от 17 января 1917, в котором, в частности, сообщается, что после лекции «вернулись домой с Шестовым, Белым, Шпеттом и пили чай до начала 2-го» (Гершензон М.О. Письма к брату. С.180).

³⁸ Андрей Белый. Жизнь без Аси // РГБ. Ф.25. Карт.31. Ед.хр.1. Не исключено, что Гершензон присутствовал и на авторском чтении «Котики Летаева» у Григоровых 16 октября 1916 (см. письмо Белого к Г.Г.Шпету от 15 октября 1916 // Начала. 1992. №1. С.63. Публикация М.Г.Шторх).

³⁹ Гершензон М. Мудрость Пушкина. М., 1919. С.86-87. В.Проскурина (Течение Гольфстрема. С.300-301) отмечает сходство гностической картины мира,шедшей отражение в «Котике Летаева», с мировидением Гершензона.

самосознании и стихии творчества. Доскональный анализ параллелей в творчестве и мировосприятии Белого и Гершензона еще ждет своего исследователя; здесь же отметим лишь некоторые направления, по которым такой анализ может пойти. И Белый и Гершензон, безусловно, воспринимали мир «под знаком Гераклита» (характерно в этом отношении уже упомянутое соотношение Гершензона с Гераклитом у Белого); в «гераклитианской» книге Гершензона «Гольфстрем» утверждается целый ряд положений, соотвечавших философско-эстетическим построениям Белого: идея «расколдования» поэтического слова, выявления в нем метафизических архетипов, этимологическо-космологические выкладки (сходные с предпринятыми Белым в «поэме о звуке» «Глоссология»), обнаружение в «истине, познанной пращурами», «несознаваемой основы нашего самосознания», и т. д.⁴⁰ Гершензон, как и Белый, стремится к постижению древней «темной мудрости» в ее нерасчлененности на «самостоятельные ряды познаний», отстаивает идею «космически-открытого» сознания, утверждает сущность религии в «космически-правильном поведении человека»⁴¹. Подобно Белому, видевшему истоки кризиса современной цивилизации в постепенной утрате ренессансного гармонического знания и мировидения, Гершензон говорит о переломе (явном с середины XVI века), приведшем к самочинности науки и техники («их уже не движет целостный дух в очарованном восхождении <...> не вверх к всецелому совершенству, а горизонтально в пустую даль»), к торжеству «самодовлеющего метода», к современному человеку, увлеченному «раздельным знанием и умением» и позабывшему «общий смысл своего жизненного дела»⁴². Идеальные созвучия наглядно проявляются даже в названиях произведений обоих мыслителей: создававшемуся в конце 1910-х гг. четырехчастному циклу философских эссе Андрея Белого «На перевале» («Кризис жизни», «Кризис мысли», «Кризис культуры», «Кризис сознания») соответствует лекция Гершензона «Кризис современной культуры», прочитанная в Киеве 29 марта 1917 г.⁴³

Сходство мироощущений Белого и Гершензона с особенной отчетливостью обозначилось после Февральской революции, обоими встреченной с большим духовным подъемом. Продолжаются их частые встречи (например, 1–11 апреля 1917 г.: «Митинги. Беседы с Гершензоном»⁴⁴), дискуссии о современных политических событиях с московскими философами и писателями, в ходе которых Гершензон и Белый ощущают себя единомышленниками и «единочувственниками». «...Я видел, – вспоминает Белый, как резко покойный Михаил Осипович, отмежевываясь, доходил до словесных раз-

⁴⁰ Гершензон М. Гольфстрем. М., 1922. С. 26, 133–149, 153.

⁴¹ См.: Гершензон М. Ключ веры. Пб., 1922. С. 62, 118–121.

⁴² Гершензон М. Тройственный образ совершенства. М., 1918. С. 62, 64, 92.

⁴³ См.: Минувшее. Вып. 11. Указ. изд. С. 232–248.

⁴⁴ Андрей Белый. Жизнь без Аси // РГБ. Ф. 25. Кар. 11. Лист 1. Ср. свидетельство Гершензона в письме к брату от 13 января 1918: «У нас бывали чаще всего Л. Шестов и А. Белый <...>» (цит. по: Проскурина В. Течение Гольфстрема С. 404).

рывов с одними, до охлаждений – с другими из бывших “попутчиков” <...> Покойный в те дни не боялся огня; он, как старый гераклиitianец, стоял с революцией <...>”⁴⁵. Полностью доверять характеристикам Гершензона в революционную эпоху, которые дает Белый, однако, не приходится: сочинялись они с трезвым расчетом на публикацию в Советской России и соответственно образом модифицировались. Революцию Гершензон понимал и принимал с позиций эсхатологического мистицизма⁴⁶ – опять же, весьма близких тогдашним установкам Белого, с упоением погружавшегося в гибельную «буревую стихию», – и видел в происходящем прежде всего неизбежное следствие накопления кризисных, тупиковых начал в современной цивилизации; обращенность его к революции была продиктована исключительно осознанием всемирно-исторического масштаба переживаемого явления: «От исторических гроз нельзя прятаться. Я сказал бы каждому в наши грозные дни: смотри каждый широко раскрытыми глазами, не отвращая твоего лица от зрелища мировых судеб, чтобы и ты узнал то, чему оно учит»⁴⁷.

Определившееся в первые пореволюционные годы расхождение Гершензона со многими ранее близкими ему людьми способствует все большему сближению с Белым. «...Мне наиболее по пути с Белым», – признается он в письме к С.М.Алянскому (20 февраля 1922 г.)⁴⁸, выражая готовность участвовать в созданном по инициативе Белого журнале «Записки мечтателей» (в 5-м выпуске «Записок мечтателей» появились статьи Гершензона «Демоны глухонемые» и «Солнце над глухою» – рядом положений и своей афористической стилистикой, опять же, соотносимые с произведениями Белого тех лет). Их общение продолжилось в Берлине, где Белый прожил около двух лет и куда приезжал Гершензон: в августе 1923 г. он, Белый и Ходасевич встречались почти ежедневно⁴⁹; возобновилось в Москве, куда возвратился Белый осенью 1923 г.⁵⁰

В Москве Белый очень скоро ощутил себя литературным изгоем, и это ясно осознал Гершензон, с горечью писавший Л.Шестову: «Белого давно не видел, – его и никто не видит; он прочитал очень неудачно публичную лекцию о Берлине и русской эмиграции там – вероятно, только по нужде, чтобы получить несколько денег. Печататься ему невозможно, значит и жить нечем» (15 февраля 1924 г.); «...вернулся – его встретили с полным равнодушием, и теперь – точно его нет. Обидно за него; он это верно больно чувст-

⁴⁵ Россия. 1925. № 5(14). С.257.

⁴⁶ См.: Проскурина В. Течение Гольфстрема. С.402-403.

⁴⁷ Гершензон М.О. Кризис современной культуры // Минувшее. Вып.11. Указ. изд. С.248.

⁴⁸ Цит. по: Проскурина В. Течение Гольфстрема. С. 345.

⁴⁹ См. предисловие И. Андреевой к публикации переписки В.Ф.Ходасевича и Гершензона (De Visu. 1993. №5(6). С.16).

⁵⁰ 6 ноября 1923 г. Гершензон писал Л.И.Шестову: «А.Белый приехал дней десять назад <...>. Одет с иголочки, радуется на все здешнее, как ребенок» (Минувшее: Исторический альманах. Вып.6. Paris, 1988. С.291. Публикация А.д'Амелиа и В.Аллой).

вует, да и в самом деле безобразно: чем проигрывал перед публикой?» (1 мая 1924 г.)⁵¹. Сходное ощущение все более углубляющегося разрыва с современной литературной действительностью должен был тогда переживать и Гершензон – и не только как мыслитель-исследователь в окружении констатующих материалистов: его историко-литературный метод, направленный к постижению духовного облика писателя, отвергали в равной мере и официальные социологи-марксисты, и неофициальные «властители дум» формалисты.

В тесном жизненном и творческом общении с Андреем Белым прошли последние недели жизни Гершензона. Белый (зафиксировавший в записках о январе 1925 г.: «Помнится, этот месяц перечитывал книги из книги Гершензона»⁵²) пересекается с Гершензоном в любимой и сокровеннейшей его теме – в истолковании Пушкина. «Перед самой смертью Гершензона, записал Белый, – бываю у него, читаю ему отрывки "Москвы"». (Он уговаривает меня прочесть лекцию о Пушкине. Работаю над Пушкиным»⁵³). Лекция Андрея Белого «Пушкин и мы» состоялась 11 февраля 1925 г. в Государственной Академии Художественных Наук (одним из руководителей которой был Гершензон). Об этом событии Гершензон информировал Л. Шестова: «... в Акад<емии> Худ<ожественных> Н<аук> был Пушкинский вечер, годовщина смерти, – и речь говорил Б.Н., 1 1/2 часа. Были опасения, что он ляпнет что-нибудь неподходящее, как с ним бывает, но он был корректен, говорил хотя не очень вдохновенно, но интересно»⁵⁴. В некрологической статье о Гершензоне Белый пересказал последний свой разговор с ним, состоявшийся по поводу этой лекции: Гершензон развивал «дружескую критику», убеждая Белого больше отдаваться своей фантазии, не робеть перед пушкинистами («Вы ж испугались: и не были – Белым. Напрасно»⁵⁵).

Как явствует из сохранившегося и ныне опубликованного пространного текста (озаглавленного: «Пушкин: план лекции»)⁵⁶, отдаваться собственной

⁵¹ Минувшее: Исторический альманах. Вып. 6. Указ. изд. С. 293–296, 300. Ср. сообщение в письме Гершензона к Ходасевичу от 17 августа 1924 г. «Вор<онеж> Ник<олаевича> за зиму почти совсем не видел» (De Vita 1991 №3(6), С. 33–36).

⁵² См.: Серман И. Михаил Гершензон // История русской литературы. XX век. Серебряный век. М., <1995>. С. 270.

⁵³ Андрей Белый. Ракурс к Дневнику. Л. 120.

⁵⁴ О первых главах романа «Москва» Гершензон отозвался в письме к Л.И. Шестову от 14 февраля 1925 г.: «Б.Н. читал весь вечер, ты знаешь, что я его обожаю, – мне очень понравилось; глубоко задумано и великолепно на мой взгляд выписано; язык прежний, как в "Петербургe"» (Минувшее. Вып. 6. Указ. изд. С. 311).

⁵⁵ Андрей Белый. Ракурс к Дневнику. Л. 120 об. Илона Белого К.Н. Бугаева также отмечает (в письме к Д.Е. Максиму от 31 декабря 1916 г.), что Белый прочел доклад о Пушкине («по настоянию М.О. Гершензона») (ЛН. Ф. 1136. Кд. хр. 16).

⁵⁶ Письмо от 14 февраля 1925 г. // Минувшее. Вып. 6. Указ. изд. С. 311.

⁵⁷ Россия. 1925. №5(14). С. 253.

⁵⁸ См.: Malmstad John E. Silver Threads among the Gold: Andrei Bely's Pushkin // Cultural Mythologies of Russian Modernism: From the Golden Age to the Nil-

фантазии Белому в этом случае невольно препятствовал сам Гершензон: именно его книге «Мудрость Пушкина» обязан был лектор не только заглавием своей лекции («Пушкин и мы» – раздел книги, где речь идет о Пушкине и о «Котике Летаеве»), но и целым рядом развиваемых в ней положений. Для Белого гершензоновское «исследование о Пушкине – больше поэма о Пушкине, а не итог изучения стиля и образов»⁵⁹; образы этой «поэмы» Белый подхватывает и варьирует на свой лад: «Верно говорит Гершензон: "Иное произведение Пушкина похоже на те загадочные картинки для детей, когда нарисован лес, а под ним напечатано: "Где тигр?". Очертания ветвей образуют фигуру тигра; однажды разглядев ее, потом видишь ее уже сразу и дивисься, как другие не видят". И далее вскрывает идею "Станционного зрителя"»⁶⁰. «Тигр», не видный в образе «леса», оказывается для Белого ключом к интерпретации личности и творчества Пушкина: гершензоновская параллель служит ему и в осмыслении истории освоения творчества Пушкина («дорога от "леса" к "тигру" есть дорога от Белинского через Писарева, Чернышевского, Достоевского к нашему времени; лишь теперь мы все сошлись, что кроме "ясных" образов Пушкина есть еще "тигр", смысл, углубляющий образы Пушкина безмерно; мы еще ищем "Тигра"; мы знаем: он – есть; но прочесть его еще не дано нам»), и в толковании многосоставности личности Пушкина (в одном аспекте он – «лес», в другом – «тигр»), и в обнаружении несовпадений между внутренним смыслом того или иного пушкинского текста и его «внешней поверхностью» («Получается противоречие между "лесом" и "тигром"»)⁶¹, и в ряде других аспектов. Вслед за Гершензоном, утверждавшим (в той же заметке по поводу «Котика Летаева»), что Пушкин «умел видеть огненное ядро духа», но не раскрывал «недр», а только давал «внутренним напряжениям просвечивать» сквозь «естественные покровы»⁶², Белый говорит о задачах вскрытия пушкинских «недр»: «В том, что волновало его недра, был он нем, участь "темному языку" стихий русской действительности; с нами он был бы откровеннее, но откроется он весь – в будущем»⁶³.

Скоропостижную кончину Гершензона 19 февраля 1925 г. Белый воспринял как тяжелейшую жизненную утрату: «Катастрофическая смерть Гершензона – удар. Умер в Москве последний "старший друг". Больше мне в Москве не на кого опираться»⁶⁴. О том, какое значение имел для него Гершензон, Белый вскоре подробно написал другому своему близкому другу, Иванову-Разумнику, рассказав и о похоронах, и о своей пушкинской лек-

ver Age. Ed. by B.Gasparov, R.P.Hughes, and I.Paperno. Berkeley – Los Angeles – Oxford, 1992. P.431-482.

⁵⁹ Россия. 1925. №5(14). С.250.

⁶⁰ Cultural Mythologies of Russian Modernism. P.444; Гершензон М. Мудрость Пушкина. С.122.

⁶¹ Cultural Mythologies of Russian Modernism. P.445, 450, 462.

⁶² Гершензон М. Мудрость Пушкина. С.89.

⁶³ Cultural Mythologies of Russian Modernism. P.447.

⁶⁴ Андрей Белый. Ракурс к Дневнику. Л.120об.

ции⁶⁵; написал мемуарную статью-некролог «М. О. Гершензону» для журнала «Россия», а также и своего рода интимный некролог в виде большого письма к вдове покойного. «...Смерть его как-то всколыхнула, почувствовалось – еще одно упраздненное место на “жизненном пиру”, принавался Белый Иванову-Разумнику. – В эпоху 1908-1910 годов и в эпоху 1916-1917-го не было недели, чтобы я не сбегал к покойному: танцевал с ним свои мысли, работы; ходил к нему – “просто так”, посидеть, и вот недавно еще – вдруг с неустойчивой силой потянуло к Михаилу Осиповичу после почти годового “невиданья”; просидел с ним 3 вечера; и точно простился...”⁶⁶

25 писем Андрея Белого к М. О. Гершензону хранятся в архиве Гершензона в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (РГБ. Ф. 746. Карт. 28. Ед. хр. 25).

11 писем М. О. Гершензона к Андрею Белому хранятся в архиве Андрея Белого там же (РГБ. Ф. 25. Карт. 14. Ед. хр. 3).

В настоящую публикацию не вошли несколько недатированных писем обоим корреспондентам (в основном это – записки, событийная подоплека которых неясна, а хронологическая атрибуция затруднительна).

В приложении печатается письмо Андрея Белого к вдове Гершензона М. Б. Гершензон (РГБ. Ф. 746. Карт. 47. Ед. хр. 25).

1. Гершензон – Андрею Белому

27 марта 1907 г. Москва¹.

27 марта 1907 г.

Милостивый Государь Борис Николаевич,

Позвольте обратиться к Вам с покорнейшей просьбой написать небольшой (в 1 – 1 1/2 печ. стр.) отзыв о «Посолони» А. М. Ремизова для «Критического Обозрения», которое будет выходить в Мо-

⁶⁵ См.: Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка С. 311-313. Ни в этом письме Белого, ни, разумеется, в официальных некрологах не нашел отражения знаменательный эпизод, случившийся на похоронах, о котором сообщается в дневниковых записях Н. С. Ашукина (22 февраля 1925 г.): «При выносе гроба из Академии, случайно прямо на процессию шел отряд танкистов с барабанным боем. Люди из похоронного бюро делали им знаки идти правее, но те или не понимали, или не желая понять, шли с барабаном прямо на гроб» (Ашукин Н. Заметки о виденном и слышанном / Публикации и комментарии Н. А. Мухомовой // Новое литературное обозрение. 1998. № 11. С. 214).

⁶⁶ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка С. 112-113.

в Москве с апреля сего года. Вы чрезвычайно обязали бы этим редакцию «Критического» Обозрения».

С уважением

М.Гершензон.

P.S. Не откажите, пожалуйста, сообщить, можем ли рассчитывать на Вашу рецензию.

¹ Письмо на бланке журнала «Критическое Обозрение» (Большая Никитская, дом Семеновича, кв.16).

² О взаимоотношениях Гершензона с Алексеем Михайловичем Ремизовым (1877–1957), завязавшихся незадолго до написания настоящего письма, см. в публикации писем Ремизова к Гершензону (Река времен. Кн.3. М., 1995. С.156–174. Публикация Т.М.Макагоновой).

2. Андрей Белый – Гершензону
28 марта 1907 г. Москва¹.

Милостивый Государь Михаил Осипович, я согласен написать отзыв о «Посолони» А.М.Ремизова для «Критического Обозрения». Постараюсь доставить мой отзыв в течение этой или будущей недели².

Примите уверение в совершенном почтении.

Борис Бугаев.

Москва 28 марта 1907 года.

¹ Ответ на п.1. Помета Гершензона: «От Андрея Белого».

² Рецензия Белого на книгу А.М.Ремизова «Посолонь» (М., изд. журнала «Золотое Руно», 1907) была опубликована в «Критическом Обозрении» (1907. Вып.1. С.34–36).

3. Гершензон – Андрею Белому
28 августа 1907 г. Москва¹.

28 авг. 1907 г.

Милостивый Государь Борис Николаевич,

Не найдется ли у Вас чего-нибудь готового для 3-го вып<уска> Крит<ического> Обозр<ения>? В моем отделе есть свободных 2-3 стр., и рецензия по худож<ественной> литературе была бы кстати. Если нет готового, не напишете ли к 1-му, 2-му сент<ября>? – Если

Вы захотите воспользоваться этими страницами, чему я был бы очень рад, то не откажите вперед известить меня, о чем Вы хотите писать, на случай, если о данной книге уже есть или обещана рецензия.

С почтением

М. Гершензон.

Ответ прошу Вас либо дать посланному, либо прислать мне (Поварская, Борисоглебский пер., д. Балашевой).

¹ Письмо на бланке журнала «Критическое Обозрение»

4. Андрей Белый – Гершензону
28 или 29 августа 1907 г. Москва¹.

Милостивый Государь Михаил Осипович!

Я могу написать к 2-ому – 3-ьему сентябрю 1) об «Истлевающих Личинах» Ф. Сологуба². 2) Прилагаю с письмом рецензию на «Трагический Зверинец» Зиновьевой-Аннибал³. Рецензия весьма неодобрительная, и потому в органе нового искусства в «Леревиле» не согласились ее напечатать⁴. Я же считаю нужным в настоящее время подробно останавливаться на дефектах творчества «юных» писателей, так как в настоящее время они пережили путь самоопределения и вступают на широкую арену литературной жизни. Если бы Вы уведомили меня о том, что считаете неудобным напечатать мой неодобрительный отзыв, я бы мог дать рецензию о «Снежной Маске» А. Блока⁵.

Остаюсь искренне уважающий

Борис Бугаев.

¹ Ответ на п. 3. Помета Гершензона: «Андрей Белый».

² Рецензия Андрея Белого на книгу рассказов Федора Сологуба «Истлевающие личины» (М., «Гриф», 1907) была опубликована в «Критическом Обозрении» (1907. Вып. III. С. 27-29).

³ Имеется в виду книга рассказов Лидии Дмитриевны Зиновьевой-Аннибал (1866–1907) «Трагический зверинец» (СПб., «Оры», 1907). Рецензия на нее Андрея Белого осталась неопубликованной, текст ее неизвестен. Возможно, что Белый воздержался от попыток опубликовать рецензию вследствие неожиданной кончины писательницы, жены Вяч. Иванова, от скарлатины, последовавшей 17 октября 1907 г. Белому принадлежит некро-

лог «Зиновьева-Аннибал» (Правда жизни. 1907. №1, 26 октября. Подпись: А.Б-ый).

⁴ В московском журнале «Перевал», однако, ранее была помещена весьма критическая рецензия Белого на повесть Зиновьевой-Аннибал «Тридцать три уroda» (1907. №5. С.53).

⁵ Рецензия Белого на книгу А.Блока «Снежная Маска» (СПб., «Оры», 1907) не появилась ни в «Критическом Обозрении», ни в каком-либо ином печатном органе.

5. Гершензон – Андрею Белому
29 августа 1907 г. Москва¹.

29 авг. 1907 г.

Милостивый Государь Борис Николаевич,

Пользуюсь Вашим разрешением и прошу, вместо этой, другую рецензию – об «Истл<евающих> личинах» Сологуба. Ваша заметка о «Траг<ическом> Зв<еринце>», не касаясь ее характера, уже потому не подходит для «Крит<ического> Об<озрения>», что она обращена лицом не к читателю, а к автору. Ее с интересом прочтет пишущий народ – петербургский кружок² да два десятка человек в Москве, но читателю, чуждому борьбе литературных направлений, она мало даст. Это все, повторяю, не касается Вашего отношения к книге. Я не читал «Траг<ического> Зв<еринца>» и не могу судить.

Итак, буду ждать рецензии о Сологубе, размером в 2-3 страницы «Крит<ического> Об<озрения>», и, если возможно, ко 2-му числу. В этой же книжке идет заметка Е.В.Аничкова о «Мелком бесе»³. Если хотите предварительно ознакомиться с нею, чтобы, может быть, не говорить о тех сторонах Сологуба, которые характеризует Аничков, я могу ее Вам прислать.

С почтением М.Гершензон.

¹ Ответ на п.4. На бланке журнала «Критическое Обозрение».

² Подразумевается, прежде всего, круг литераторов, объединенных вокруг Вяч.Иванова и его издательства «Оры», – основной объект критико-полемиических выступлений Белого в то время.

³ Евгений Васильевич Аничков (1866–1937) – историк литературы, фольклорист, критик; был близок к кругу петербургских модернистов. Его рецензия на роман Федора Сологуба «Мелкий бес» (СПб., 1907) была опубликована в «Критическом Обозрении» (1907. Вып.III. С.29-33).

6. Гершензон — Андрею Белому
28 ноября 1907 г. Москва

28 ноября 1907 г.

Многоуважаемый Борис Николаевич,

Нет ли у Вас какой-нибудь *готовой* рецензии <художественного> свойства? Или не напишете ли сегодня-завтра? Есть пара страниц, свободных в Литер<атурном> Отд<ел>е — не пожелаете ли воспользоваться ими? Вы сделали бы мне этим удовольствие.

С почтением М. Гершензон

P.S. В этом выпуске по худож<ественной> части будет только один отзыв — В.И.Иванова о «Цветах и ладане»¹.

¹ «Цветы и ладан» (М., 1907) — первая книга стихов Сергея Соловьева. Рецензия Вяч.Иванова на эту книгу не появилась ни в «Критическом Обзрении», ни в каком-либо другом издании.

7. Андрей Белый — Гершензону
28 или 29 ноября 1907 г. Москва¹.

Глубокоуважаемый Михаил Осипович,

Я могу написать рецензию о только что вышедшем сборнике стихов Ивана Новикова². Но ввиду того, что до субботы³ я *обязан* написать статью о Мережковском для «Весов» и закончить давно обещанный фельетон, я не могу приготовить рецензию ранее понедельника, вторника⁴.

Остаюсь глубокоуважающий Вас Борис Бугасв.

¹ Ответ на п.6; датируется по связи с ним.

² Имеется в виду «Духу святому. Первая книга стихов» (М., «Гриф», 1908) прозаика и поэта Ивана Алексеевича Новикова (1877-1959). Рецензия Белого на эту книгу, видимо, написана не была.

³ 1 декабря.

⁴ 4 и 5 декабря. Белый упоминает свою статью «Трилогия Мережковского» (Весы. 1908. №1. С.73-81). В пятом выпуске «Критического Обзрения» за 1907 г. появилась (С.32-35) рецензия Белого на «Пути и Перепутья. Собрание стихов. Т.1» Валерия Брюсова (М., «Скорпион», 1908) (р ретро-спективные записи Белого, характеризующие декабрь 1907 г. «Москва Усиленно работает: <...> Спешно пишу 2 статьи: «Мережковский» (для «Весов»), «Далай-Лама из Сапожка» (для «Весов»); пишу фельетоны «Город» (статья), «Радужный город» (статья)» (Андрей Белый Ракур и Дневнику // РГАЛИ. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.100. Л.42).

8. Андрей Белый – Гершензону
Октябрь 1908 г. Москва.

Глубокоуважаемый Михаил Осипович, я чрезвычайно извиняюсь, что задержал рецензию¹; но эти дни приходилось с утра до вечера работать над исправлением конкурсных переводов с Олениной-д'Альгейм². У меня буквально не было ни одной минуты свободной. Думая, что рецензия не сейчас нужна Вам, я оставил ее неисправленной.

Посылаю так.

Еще раз извиняюсь, Михаил Осипович, за неисправность.
Остаюсь искренно уважающий Вас

Б.Бугаев.

¹ Подразумевается рецензия на книгу Александра Блока «Земля в снегу. Третий сборник стихов» (М., изд. журнала «Золотое Руно», 1908), опубликованная в «Критическом Обозрении» (1908. Вып. VI (XI). С.33-36; этот номер журнала появился в конце октября 1908 г.).

² Мария Алексеевна Оленина-д'Альгейм (1869–1970) – камерная певица (меццо-сопрано), чрезвычайно высоко почитавшаяся Андреем Белым; вместе с мужем, бароном Пьером д'Альгеймом, основала в 1908 г. в Москве «Дом Песни», в деятельности которого Белый принимал активное участие. Речь идет о конкурсных переводах вокального цикла Франца Шуберта «Прекрасная мельничиха» («Die schöne Müllerin») на стихи Вильгельма Мюллера. Ср. записи Белого о ноябре 1908 г.: «В Москве с головой ухожу в изучение конкурсных номеров на перевод „Die schöne Müllerin“ (52 переводов); ряд заседаний жюри конкурса (М.А.Оленина, Н.К.Метнер, Серг.Ив.Танеев, я, против Гречанинова, Кругликова, Энгеля, Кашкина). Переделка текста выбранных переводов поручается мне; много сижу над нею: споры с бар<о>ном д'Альгеймом из-за переделки: умываю руки и бросаю работу» (Андрей Белый. Ракурс к Дневнику. Л.45).

9. Андрей Белый – Гершензону
Конец ноября 1908 г. Москва.

Глубокоуважаемый Михаил Осипович!

Приношу Вам мое искреннее сожаление и извинение в том, что позволил себе неаккуратность, не дав к 25-ому рецензии на книгу Чулкова¹. Но все это время мне буквально не дали свободно дышать. У меня не было ни минуты свободного времени (поручения,

хлопоты, срочные рефераты). К довершению всего сегодня узнаю, что 5-го декабря читаю лекцию¹, к которой я еще вовсе не подготовился (еще не начинал писать). С приездом Мережковского возникают еще дела в религиозно-философском обществе и философском кружке².

Ввиду всего этого еще раз приношу извинение: я не могу написать рецензию о Чулкове к ближайшему №.

Верьте, что это не только небрежность, но еще и неумение справиться с набранной работой. Примите уверение в совершенном почтении и преданности.

Борис Бугаев.

¹ Имеется в виду книга прозаика, поэта, критика, теоретика «мистического анархизма» Георгия Ивановича Чулкова (1879-1939) «Покрывало Изида. Критические очерки» (М., изд. журнала «Золотое Руно», 1909). Рецензия Белого на нее появилась в «Критическом Обзоре» (1909. Вып. I. С. 38-41).

² Лекция Андрея Белого на тему «Ритм жизни и современность» состоялась в помещении Политехнического общества 10 декабря 1908 г. См. объявление с изложением программы лекции: Русские Ведомости. 1908. № 285, 9 декабря. С. 1.

³ Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус и Д. В. Filosofov приехали в Москву в конце ноября 1908 г. (11 ноября Filosofov извещал Белого: «26-го ноября мы будем в Москве» // РГБ. Ф. 25. Карт. 24. Ед. хр. 16); 28 ноября Мережковский прочел лекцию «Поэт сверхчеловечества» (о Лермонтове) на заседании Религиозно-философского общества в Большой новой аудитории Политехнического музея; Белый участвовал в последовавших прениях (см.: Русские Ведомости. 1908. № 277, 29 ноября. С. 4). Ср. записи Белого о ноябре 1908 г.: «...меня выбирают в члены Совета Московского Религиозно-Философского Общества <...> приезд Мережковских – трепка, при, собрания с ними: у меня, Морозовой, у них» (Андрей Белый. Ракурс к Дневнику. Л. 45об.).

10. Андрей Белый – Гершензону
Конец ноября 1908 г. Москва¹.

Глубокоуважаемый Михаил Осипович,
я ужасно хотел бы, чтобы Вы зашли ко мне, если можно сейчас. Вы ужасно обрадовали бы меня. К моей просьбе присоединится Д. С. Мережковский. Он у меня сейчас. Он очень хотел бы Вас познакомиться.

Если бы Вам нельзя было зайти сейчас ко мне, то Д.С. очень просит Вас зайти к нему (Hôtel National) (дома он в 2 часа).

Остаюсь глубокоуважающий Б.Бугаев.

¹ Написано на визитной карточке.

² Возможно, об этой встрече Белый упоминает в «берлинской» редакции воспоминаний «Начало века»: «...был вечер и у меня – с Мережковскими; появились: Д.С., З.Н., Философов, Бердяев, как кажется Эрн, Эллис, Рачинский, Петровский, М.О.Гершензон и Морозова: было шумно: курили; и – спорили, спорили» (РНБ. Ф.60. Ед.хр.13. Л.33).

11. Гершензон – Андрею Белому
Начало декабря 1908 г. Москва¹.

Сердечно благодарю Вас, Борис Николаевич, за Ваш милый подарок². Я не всегда понимаю Ваши стихи, но и самые неясные из них люблю читать, потому что от них веет на меня теплом и нежностью Вашей души. Заходите же ко мне. Вы не забыли о Чулкове?³ Пожалуйста, натяните его на пальцы, чтобы успеть вышить узором к 1-му янв<аря> (и пусть каждое Ваше слово будет как острая, блестящая, прямая иглолка, пронзающая насквозь!)⁴.

Душевно преданный Вам

М.Гершензон.

¹ Написано на визитной карточке.

² Имеется в виду книга стихов Андрея Белого «Пепел» (СПб., «Шиповник», 1909), вышедшая в свет в начале декабря 1908.

³ Гершензон напоминает про обещание Белого представить рецензию на книгу Г.Чулкова «Покрывало Изиды» (см. прим. 1 к п.9).

⁴ Ср. фразы Гершензона, приводимые Белым в мемуарной главе о нем: «Не написали бы вы, Борис Николаевич, мне о книге Чулкова?»; «...главное, пишите крепче... Чем резче, тем лучше... Имеете право на это» (Андрей Белый. Между двух революций. М., 1990. С.251, 252).

12. Андрей Белый – Гершензону
Конец декабря 1908 г. – начало января 1909 г. Москва.

Глубокоуважаемый Михаил Осипович, сделаю все возможное, чтоб написать завтра рецензию¹. Занесу ее к Вам к 5-6 часам.

Давно собираюсь к Вам зайти: но был болен, а теперь хлынули дела. Остаюсь искренне преданный Вам

Борис Бугаев.

¹ Речь идет о рецензии на «Покрывало Иуды» Чулкова (см. прим 1 к п. 9).

13. Гершензон Андрею Белому
6 января 1909 г. Москва

6 января 1909 г.

Многоуважаемый Борис Николаевич,

Ваш разбор книги Чулкова¹ остроумен и меток, но, согласитесь, в Критическом Обозрении² ему не место: собственно о книге этой нужно знать тем, кто интересуется подробностями литературного движения, — читателям Весов, Золотого Руна, кружку петербургских и московских литераторов. Таких рецензий, указывающих только достоинства и недостатки данной книги, Критическое Обозрение² тщательно избегает. Об этом именно я Вас просил: написать не о Чулкове, а сквозь него осветить нечто общее, дать идейное содержание, которое могло бы чему-нибудь научить читателя. Для нас дело стоит так: если книга Чулкова единична, то о ней нечего и говорить: жулик, и все тут; если же в ней обнаруживаются какие-нибудь общие черты современного умственного движения, то это важно — но тогда и надо на ее примере показать эти черты, их нелепость и пагубность. В этом смысле не то важно, на чем Вы строите Ваш отзыв, — что Чулков — плагиатор; а важно то, что он жонглирует слишком серьезными вещами, что он конюнктно-беззастенчивыми и равнодушными устами говорит о нещах, которые волнуют душу, и эти слова не обжигают ему губ. Об этом разврате слова я и думал, что Вы напишете, как в «Шемпелеванной калоше»². Так что простите меня, но этой рецензии я не могу напечатать: это — дело кружковое. Но я буду очень рад, если Вы согласитесь написать о Чулкове что-нибудь имеющее общий интерес; я далек от мысли навязать Вам свое представление, но настаиваю на характере рецензии — иначе не могу, и Вы поймете меня. Самое большее, сколько можно ждать, чтобы не замедлять выход книжки, — это до завтра вечером. Очень прошу Вас, сделайте это. Место для Вас я оставил, и если Вы не напишете, у меня будет пустой отдел.

не говорю уже о том, что *такой* заметке, написанной Вами, я придаю большую важность¹.

Преданный Вам М.Гершензон.

¹ См. прим.1 к п.12.

² Имеется в виду статья Белого «На перевале. VII. Штемпелеванная калоша» (Весы. 1907. №5. С.49-52. Подпись: Борис Бугаев) – памфлет, направленный против петербургских модернистов.

³ По всей вероятности, Белый поступил в соответствии с просьбой Гершензона – написал другой вариант отзыва о «Покрывале Изиды», который и был опубликован. Текст первоначальной редакции статьи Белого о «Покрывале Изиды» нам неизвестен. Тем не менее, даже в «смягченном» виде рецензия была достаточно резкой: «Г.Чулков ужасен: он – воплощенная пародия на искренние в свое время искания некоторой группы модернистов и мистиков. <...> И вот пришли люди, умевшие держать нос по ветру; они учили *влиющие* новых слов; на искренности, на огне душ горящих, на пепле сожженных построили свою литературную карьеру <...> Прочли петербуржцы и ахнули: "Так вот в чем тайна модернизма: модернизм – балаган; апостолы его – новый вид паяцев. А мы-то думали"... И поспешили в балаган. А балаган уж стоит – деревянный, новенький, с кумачевыми занавесками на дверях. По стене желтой охрой размалявано: "мистический анархизм". <...> Входит г. Георгий Чулков: "<...> я – известный изидин жрец, хиромант-психолог, и открываю вам тайну; тайна эта – кошунство над всем святым, что есть в человеке" <...>» и т.д. (Критическое Обозрение. 1909. Вып.I. С.39-41).

14. Андрей Белый – Гершензону
Осень 1909 г. Москва.

Многоуважаемый и дорогой Михаил Осипович, ради Бога простите: два раза я уходил из дому, когда Вы говорили по телефону. Тогда же не мог все ответить, потому что Метнера не было в Москве¹. Мне ужасно печально и грустно, что придется нашему издательству не напеча<та>ть Вашу книгу² и статью Цеголева³.

Вашу книгу мы не печатаем вот почему: уже среди предполагаемых, готовых книг к печати и обещанных напечатать до Нашей книги оказывается ряд книг. Гильдебрандта (перевод готов), Рюисбрёка, Гераклита, Леонардо да Винчи, Фиоретти, Эллиса, Соловьева, моя, Метнера, Антология поэтов (старых), Фрагменты Новалиса, Кельтические легенды и книга о поэзии трубадуров⁴. Уже пятнадцать книг (не считая «Логоса»)⁵: все книги или готовы, или готовят-

ся для издательства, так что поздно: отказать и напечатанным нельзя. Примите во внимание, что еще к концу года мы должны выпустить перевод 1-го тома Бёме⁶. Итого 15-16 книг уже намечены. Денег просто не хватит. Вот главная и единственная причина, почему мы с грустью отказываемся от Вашей интересной книги. Есть еще мотивы: все уже статьи Ваши были напечатаны в журналах, кроме одной, так что публика уже знакома с Вашей книгой. Но повторю: книга столь интересна, что мы бы ее напечатали охотно, если бы у нас хватило средств. На том же основании мы не печатаем Щеголева, мы должны были отказаться недавно от перевода «Баллады» Словацкого: Словацкий стоит у нас в программе⁸, но нельзя было его печатать в этом году: ждать же переводчик не согласился бы.

Мне очень и очень стыдно, Михаил Осипович, что я, не зная точно наших реальных возможностей (издательских), говорил в том духе, что мы возьмем Щеголева и Вашу книгу. Ради Бога, дорогой Михаил Осипович, не сердитесь.

Остаюсь искренне преданный Вам и любящий

Борис Бугаев.

¹ Эмилий Карлович Метнер (псевдоним – Вольфинг; 1872–1936) – музыкальный и литературный критик, руководитель московского издательства «Мусaget», основанного в 1909 г.

² Гершензон предложил для издания в «Мусагете» свою книгу «Исторические записки» (М., 1910), составленную в сентябре 1909 г. из статей, ранее опубликованных в журналах «Вестник Европы» (1908), «Русская Мысль» (1909) и в сборнике «Вехи», и вышедшую в свет в конце 1909 г. (см.: Макагонова Т.М. Дни и труды М.О.Гершензона. (По материалам архива) // Записки Отдела рукописей Российской гос. библиотеки. Вып. 50. М., 1995, С.37).

³ Павел Елисеевич Щеголев (1877–1931) – историк литературы и революционного движения; находился в это время в заключении – как редактор запрещенного журнала «Былое» (см.: Лурье Ф.М. Хранители прошлого. Журнал «Былое»: история, редакторы, издатели. Л., 1990. С.106–111). О какой именно его статье идет речь, неясно.

⁴ Из перечисленных издательских проектов «Мусагетом» были осуществлены: Гильдебранд А. Проблема формы в изобразительном искусстве и Собрание статей. Перевод Н.Розенфельда и В.А.Фаворского. М., 1914; Рэйс-брук Удивительный. Одевание духовного брака. Вступ. статья Мориса Метерлинка. Перевод Михаила Сизова. М., 1910; Гераклит Ефесский. Фрагменты. Перевод Владимира Ниландера. М., 1910; Цветочки святого Франциска Ассизского. Перевод А.П.Печковского. Вступ. статья П.И.Дуранина М., 1913 («Фиоретти»); Эллис. Русские символы. М., 1910; Сомовьев С. Апрель. Вторая книга стихов. М., 1910; «моя» – Андрей Белый. Символизм. Книга статей. М., 1910; Вольфинг <Э.К.Метнер> Модернизм и музыка

Статьи критические и полемические. М., 1912. В объявлениях о книгах, подготавливаемых «Мусагетом» к печати, также значилась: Леонардо да Винчи. Трактат о живописи. Перевод и вступ. статья М.С.Сергеева; Лири Новалиса в переложении Вячеслава Иванова; Провансальские лирики XII и XIII веков. Перевод Н.П.Киселева. Т.1. Переводы. Т.П. Комментарии. Неясно, что подразумевает Белый под проектом «Антология поэтов (старых)»: «Мусагетом» был издан лишь альманах «Антология» (М., 1911), включающий только стихотворения современных поэтов.

⁵ Имеется в виду предпринятое «Мусагетом» русское издание международного ежегодника по философии культуры «Логос». См.: Безродный М.В. Из истории русского неокантианства (журнал «Логос» и его редакторы) // Лица: Биографический альманах. Т.1. М.; СПб., 1992. С.372-407.

⁶ Это издание было осуществлено «Мусагетом» значительно позже (в составе одного тома). См.: Бёме Я. Аугога, или Утренняя Заря в восхождении. Перевод Алексея Петровского. М., 1914.

⁷ «Балладина» («Balladyna», 1839) – трагедия польского поэта и драматурга Юлиуша Словацкого (1809–1849). Перевод ее, заверченный К.Д.Бальмонтом в сентябре 1909 г. (см.: Литературное наследство. Т.98. Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн.1. М., 1991. С.212), был опубликован: Словацкий Ю. Три драмы. М., изд. М. и С.Сабашниковых, 1911. С.11-238.

⁸ «Мусагетом» была издана книга: Словацкий Ю. Ангелли. Поэма. Перевод Анатолия Виноградова. М., 1913.

15. Андрей Белый – Гершензону
21 сентября 1910 г. Москва.

Многоуважаемый и дорогой Михаил Осипович, мы были бы ужасно счастливы все, а я в особенности, если бы Вы зашли к нам сегодня в «Мусагет» на чтение Садовского¹. За вещь – ручаюсь. Но не столько чтение, сколько удовольствие Вас видеть у нас побуждает меня особенно просить Вас. Начало чтения в 9 часов вечера. Адрес: Пречистенский бульвар, д.31, кв.9. Ужасно извиняюсь, что не доставил Вам книг. Эти две недели совсем потерял голову от хлопот.

Остаюсь глубоко преданный Б.Бугаев.

¹ Борис Александрович Садовской (наст. фам. Саловский; 1881–1952) – прозаик, поэт, критик, историк литературы. Чтение его повести «Двуглавый орел» (опубликованной в журнале «Русская Мысль» в 1911, №7, 8) состоялось в редакции «Мусагета» 21 сентября 1910 г. (см.: Литературное наследство. Т.85. Валерий Брюсов. М., 1976. С.419-420; Новое литературное обозрение. 1993. №4. С.108) – что является основанием для датировки настоящего письма.

16. Андрей Белый Гершензону
1/14 декабря 1910 г. Рим¹

Милый Михаил Осипович!

Привет. Вспоминаю Вас. Хорошо, мягко. По-итальянски ни слова! Сейчас в Неаполь. Супруге Вашей привет².

Любящий искренно Б. Бугася

¹ Датируется по почтовому штемпелю: Roma. 14.12.10. Получено в Москве 6 декабря 1910 г. Открытка с видом Римского форума. 26 ноября / 9 декабря 1910 г. Белый и А.А.Тургенева выехали из Москвы в заграничное путешествие, в Риме были по дороге на Сицилию.

² Мария Борисовна Гершензон (урожд. Гольденвейзер; 1873-1940) дочь Б.С.Гольденвейзера, кишиневского присяжного поверенного, и В.И.Щекотихиной, сестра пианиста А.Б.Гольденвейзера; «уютная, милая, умная Мария Борисовна, его жена» (Андрей Белый. Между двух революций. С. 254-255).

17. Гершензон – Андрею Белому
30 декабря 1910 г. Москва¹.

Москва, 30 дек. 1910 г.

<Милый? Б>орис Николаевич, хочу сказать Вам, что дружески помню Вас и часто вспоминаю с друзьями, и что хотел бы в <но>вом году знать Вас счастливым и бодрым для работы. - Прощу?> Вас передать мой привет Вашей жене² - и моя жена - нам обоим кланяется.

Обнимаю Вас и остаюсь любящий Вас

М.Г.

¹ Открытка с оборванными краями (дефектный текст). Почтовое штемпели: Москва. 30.12.10; Palermo. 18.1.11; Tunis. 22.2.11. Приб. Посланный по сицилийскому адресу (в Палермо), получена Белым в Тунисе. На открытке - записи Белого, отразившие его предположения о сроках и местопребываниях последнего путешествия: «Февраль здесь. Март апрель - Египет Май - Иерусал<им>. Июнь-июль - Малая Азия...»

² Анна Алексеевна (Ася) Тургенева (1890-1966). Официально ее брак с Белым был зарегистрирован в Берне гораздо позднее - 21 марта 1914 г.

18. Андрей Белый – Гершензону
4/17 января 1911 г. Максула-Радес¹.

Глубокоуважаемый и дорогой Михаил Осипович!

Спасибо за память. На днях пишу Вам. Я под Тунисом в арабской деревушке². Мы сняли арабский домик с плоской крышей, уже здесь живем третью неделю. Должно быть, проживем и месяц. Остаюсь искренне любящий Вас

Б.Бугаев.

P.S. Вашей супруге привет и уважение. Адрес. Afrique, Tunisie, Maxula-Radès (près de Tunis). Chèz Madame Rebeyrol, buraliste de Radès. Мне.

¹ Открытка с изображением Туниса; датируется по почтовому штемпелю: Maxula-Radès. 17.11.11. Получено в Москве 25 января (ст.ст.) 1911 г.

² Белый и А.Тургенева приехали в Тунис 5 января (н.ст.) 1911 г., с 15 января поселились в Радессе (деревня близ города Туниса).

19. Андрей Белый – Гершензону
4 сентября 1916 г. Москва¹.

Москва. 4-го сент. 16.

Глубокоуважаемый и дорогой Михаил Осипович, совершенно неожиданно для себя я вынужден быть сегодня на одной свадьбе; ответить не зляти; и поэтому вечером меня не будет.

Тем с большей радостью ждал бы я Вас завтра часов в 8 провести вместе вечер и побеседовать. Если Вам это было бы неудобно, я мог бы прийти к Вам. Если завтра Вы заняты, то, может быть, *вторник* или *четверг*² у Вас свободны. В последнем случае, может быть, Вы предупредите меня: *вторник* или *четверг*.

Итак с огромной радостью жду Вас завтра часов в 8. Мне так хочется побыть с Вами и побеседовать¹.

Остаюсь искренне уважающий и любящий

Борис Бугаев.

¹ Написано вскоре после возвращения Белого в Россию из-за границы, где он в основном находился с весны 1912; 18 августа / 3 сентября 1916 г. Белый прибыл в Петроград, через несколько дней после этого – в Москву. 6 сентября 1916 г. Гершензон сообщал в письме к Ал.Н.Чеботаревской: «Приехал Андрей Белый; очень хорош» (ИРЛИ. Ф.189. Ед.хр.79).

² 6 и 8 сентября.

³ В дневниковых заметках «Жизнь бел. Азии: личный африканский (с 7 августа – 8 сентября. Москва)»; «Беседы с Гершензоном о духовной науке» (РГБ. Ф.25. Карт.31. Ед.хр.1).

20. Андрей Белый – Гершензону
Ноябрь–декабрь 1917 г. Москва

Милый и дорогой Михаил Осипович!

Ради Бога простите за всю эту невольную кашу. Яреда обдуман все, я пришел к заключению, что *не могу* прочесть статьи Вячеславу в том виде, как она есть¹. Это – между нами! по некоему случаю психологически это невозможно для меня. Не присылайте ко мне Вячеслава, ни Г.А.Рачинского²: все равно *теперь я не* прочту статьи. *Я ее* изменяю, сокращаю и перерабатываю. Вся эта путаница – *предлог по воле судьбы, чтобы* чтение не состоялось³. Остаюсь глубоко любящий и преданный и уважающий Вас

Борис Бугаев⁴.

¹ Речь идет о Вяч.Иванове и о статье Белого «Вячеслав Иванов», впервые опубликованной в издании: Русская литература XX века. 1890–1910. Под ред. проф. С.А.Венгерова. Т.3. Кн.8. М., <1918>. С.114–149. О том, что «статья о В.Иванове готова вчерне», Белый писал С.А.Венгерову 28 ноября 1917 г. (см.: Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. СПб., 1998. С.144). О завершении работы над статьей Белый сообщил Венгерову в письме от 3 января 1918 г. (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л., 1981. С.55).

² Григорий Алексеевич Рачинский (1859–1939) – литератор, переводчик, философ; председатель Религиозно-философского общества в Москве.

³ Ср. ретроспективные записи Белого о ноябре–декабре 1917 г.: «Ноябрь <...> Уезжаю в Дедово; живу там недели две <...> усиленно работаю над статьей «Поэзия Вячеслава Иванова». <...> Декабрь <...> Москва <...> 2) Чтение статьи «Поэзия В.Иванова» (у Гершензона), 3) То же чтение на елке у Григоровых» (Андрей Белый. Ракурс к Дневнику. Л.90).

Та же тема затрагивается еще в одной недатированной записке Белого к Гершензону (относящейся, скорее всего, к концу ноября – началу декабря 1917 г. – по упоминанию предстоящего отъезда в Дедово):

Глубокоуважаемый и дорогой Михаил Осипович, вследствие *qui pro quo*, происшедшего со статьей (я решил радикально ее изменить), я не могу сегодня ее прочесть и должен глубоко извиниться перед нашими милыми гостями, что и сам не могу быть у Вас вследствие нескольких неотложных дел и отъезда из Москвы 3 го рано утром

Я надеюсь прочесть статью Вам и Вячеславу Ивановичу в ее окончательном виде. Примите уверение в искренней любви и преданности.

Б.Бугаев.

21. Гершензон – Андрею Белому
21 декабря 1917 г. Москва.

Москва, 21 декабря 1917 г.

Милый Борис Николаевич,

У меня к Вам дело. Владисл<ав> Фелиц<ианович> Х<одасевич>¹ находится в крайне стесненном положении; необходимо ему помочь. Мы с А.Н.Толстым придумали литературный вечер, и одна богатая дама² предоставила для этого залу в своем доме возле Арбата. Можно собрать тысячу рублей. Помогите – не откажитесь участвовать; прочтите что-нибудь, стихи новые, или отрывок из 2-й части Котика Летаева³. Будут участвовать еще: Вяч<еслав> Иван<ович>⁴, Бальмонт, А.Н.Толстой. Вечер предположено устроить 28-го или 29-го декабря. Будьте так добры, ответьте мне или сейчас, или завтра до 12 час., и в случае согласия сообщите, какой из этих двух дней Вы предпочитаете⁵.

Знаю, что Вы заходили ко мне, и жалею, что не застали. Приходите посидеть вечером, – послы 8-ми я всегда дома и всегда буду Вам рад.

Ваш М.Гершензон.

¹ О взаимоотношениях Гершензона с В.Ф.Ходасевичем (1886–1939) см. в публикации их переписки (De Visu. 1993. №5 (6). С.12–51. Публикация И.Андреевой).

² Мария Самойловна Цетлин (урожд. Тумаркина; 1882–1976) – доктор философии; жена поэта и издателя М.О.Цетлина (Амари); ее литературный салон функционировал в Москве с лета 1917 до осени 1918 г.

³ Подразумеваются заключительные главы романа «Котик Летаев», печатавшиеся тогда во 2-м сборнике «Скифы» (<Пг.>, 1918).

⁴ Вяч.И.Иванов.

⁵ По всей вероятности, Белый в этом мероприятии не участвовал. 31 декабря 1917 г. Гершензон писал брату: «Один мой приятель, поэт, впал в большую нужду; чтобы достать для него денег, я с А.Толстым попросили у одной богатой дамы, еврейки, устроить в ее доме литературно-музыкальное утро. Она с восторгом согласилась, ей лет 30, она – д<окто>р философии немецкого университета, весьма образованная, и муж ее пишет стихи. Она раздала карточки своим знакомым, по 25 руб., и собрала 1250 руб.; и взяла с

нас слово, чтобы мы, участники, после концерта остались у нее закусить. Читали: А. Толстой, Бальмонт, Вяч. Иванов...» (РГБ. Ф. 146. Карт. 20. Ед. хр. 27. За предоставление этих сведений выражаем глубокую признательность И. Андреевой). О помощи и поддержке Гершензона Ходасевич упоминает в мемуарном очерке о нем (1925), вошедшем в его книгу «Некрополь»: «...если б не Гершензон – плохо мне было бы в 1916–1918 годах, когда я тяжело хворал. Гершензон добывал для меня работу и деньги...» (Ходасевич В. Собр. соч. В 4 т. М., 1997. Т. 4. С. 101).

22. Гершензон – Андрею Белому
1 января 1918 г. Москва.

Москва, 1 января.

Милый Борис Николаевич, с Новым Годом!

Вот какое дело: так как Вы читали свою статью у Б.П.¹, то мы решили, что очевидно Вы сегодня уже не будете ее читать у нас, и потому Мария Борисовна на сегодня не сделала никаких приготовлений. Как бы не вышло недоразумение с кем-нибудь из тех, кто должен был сегодня прийти.

Ваш М. Гершензон.

¹ Б.П. – Борис Павлович Григоров (1883–1945), один из основателей Российского Антропософского общества и его первый председатель. Подражывается, по всей вероятности, чтению Белым статьи «Вячеслав Иванов» на квартире Григоровых (см. прим. 3 к п. 20).

23. Андрей Белый – Гершензону
Не позднее 12 апреля 1918 г. Москва.

Дорогой и глубокоуважаемый Михаил Осипович,
Ужасно грушу по Вас. Занят по горло – пишу; на днях буду у Вас. У меня к Вам огромная просьба.

Ссудите маму мою керосином (помните, Вы обещали); она будет очень Вам благодарна¹. Не думайте обо мне чего-нибудь дурного, что долго не был. Сердечно люблю Вас.

Остаюсь глубоко уважающий

Борис Бугаев

Марье Борисовне мой сердечный привет.

¹ Мать Белого – Александра Дмитриевна Бугаева (урожд. Егорова; 1858–1922). Гершензон с марта 1917 г. был председателем Всероссийского Союза Писателей и на этом посту активно помогал литераторам в преодолении бытовых тягот.

24. Гершензон – Андрею Белому
12 апреля 1918 г. Москва¹.

Москва, 12 апреля 1918 г.

Дорогой Борис Николаевич,

Правда, я думал, что Вы на меня сердитесь, – не знал, за что. За керосином уже раз присылали, и М<ария> Б<орисовна> дала, да и теперь конечно даст, если есть; я сейчас спрошу. Буду рад Вас видеть.

Любящий Вас

М.Гершензон.

¹ Ответ на п.23.

25. Андрей Белый – Гершензону
Весна 1919 г. Москва.

Дорогой Михаил Осипович, –

я полупростужен, а мне – не в чем выйти; единственные сапоги совершенно мокры, калоши – почти фикция; ужасно обидно; но, кажется, придется засесть: калош нет, начинается простуда; если просижу у Вас с мокрыми ногами – завтра, наверное, бронхит; а завтра – лекция в Пролет-Культе¹; увы, Пр<олет->К<ульт> не удалось бросить: был у Клестова²; он – болен; был разговор с Грузинским³, из которого следствия для меня сложные; они – просят рукопись, а рукопись – мне нужна для обработки⁴; далее: без гарантии, что они мне заплатят, я не могу работать, ибо времени – никакого: все вечера заняты.

Милый Михаил Осипович: дважды, трижды, четырежды я согласен ехать в Киев⁵; если будут у Вас разговоры – вспомните обо мне; в случае, если зайдет речь о квартире, то в Киеве мне бы нужна была целая квартира: туда едут наши⁶, которые меня бы устроили, а я бы сдал им комнаты.

Еще раз бесконечное извинение, по вина не моя и сапогах моих чмокает вода. Не могу выйти.

Остаюсь глубоко преданный и любящий

Б. Бугаев

¹ В Московском Пролеткульте Андрей Белый вел занятия с октября 1918 г. до августа 1919 г.

² Николай Семенович Клестов (Ангарский; 1873-1943) — литературный критик, издательский работник; один из руководителей товарищеского «Книгоиздательства писателей в Москве».

³ Алексей Евгеньевич Грузинский (1858-1930) — литературовед, фольклорист, переводчик; один из руководителей «Книгоиздательства писателей в Москве».

⁴ В «Книгоиздательстве писателей в Москве» готовились к печати две книги Белого — переиздание романа «Петербург» и «Путевые заметки». Поскольку здесь упоминается «рукопись», речь идет, скорее всего, о «Путевых заметках» (первоначальная редакция этой книги готовилась к печати в середине 1910-х гг. в издательствах «Мусагет» и «Сирин», но так и не была выпущена в свет); готовя «Путевые заметки» к печати в 1921 г., Белый кардинально переработал первоначальный текст. 1-я часть книги была опубликована «Книгоиздательством писателей в Москве» в 1921 г. под названием «Офейра». О подготовке этого издания идет речь в недатированном письме Белого к Ангарскому (Клестову), относящемся к тому же времени:

Глубокоуважаемый Николай Семенович,
оставляю Вам рукопись «Путевых Заметок» за исключением 3-ей главы «Монреаль», которую мне надо спешно переделать, чтобы Вы, в случае возможности, могли пустить и печать 1-й главы. Как видите, книга большая. Я думаю, ее можно было бы печатать 1) *томом*, 2) *двумя книгами* (по части в книге), 3) наконец, *четырьмя выпусками* (Сицилия, Тунис + Арабы, Радес + Кэруан, Египет).

Мне необходимы недели 3, чтобы изменить архитеконику частей, кое-что зачеркнуть, пройти стилистически; поэтому: нельзя ли мне после Общего Собрания Вашего Издательства, где у Вас будет обсуждаться вопрос о книге, получить обратно рукопись недели на две, чтобы вполне приготовить первую часть; пока она будет набираться, я займусь стилистической подчисткой 2-ой части, не связывая Вас.

Поэтому: оставляя Вам рукопись, прошу ее мне оставить после субботы: я ее возьму недели на две для окончательной подготовки первой части; рисунки к книге скоро буду привезены из Петербурга (к Пасхе или на Фоминой). Ужасно извиняюсь, что еще не написал статьи. На днях напишу ее.

Примите уверение в совершенном почтении

Борис Бугаев

(РГАЛИ. Ф.24. Оп.1. Ед.хр.93. Упомянутые в письме рисунки к «Путевым заметкам», выполненные А.Тургеневой, остались неопубликованными).

⁵ Гершензон выхлопотал для Белого приглашение в академическое бюро через Литературный комитет Киевского отдела искусств Наркомпроса (см.: Макагонова Т.М. Дни и труды М.О.Гершензона. (По материалам архива). С.50-51).

⁶ Подразумеваются члены Антропософского общества.

26. Андрей Белый - Гершензону
21 июня 1919 г. Карачев.

19 года 21 июня.

Дорогой Михаил Осипович,
давно собираюсь Вам писать: как Вы? Как Марья Борисовна? Как Вячеслав? Очень часто живо думаю о Вас, как живо думаю обо всех отсутствующих. Думаю быть в Москве около середины июля, если можно будет 1) проскочить (ведь теперь мы отрезаны остановкой жел<езно>дор<ожного> сообщения), 2) втиснуться в вагон с вещами; это – такая мука, что страшно подумать.

Не писал я Вам, потому что все вероятия, что письма пропадают: у меня пропало ряд писем.

Между прочим: получил от А.Е.Грузинского 2 письма; в одном он извиняется в потере предисловия к «Петербургу»; так как это «Предисловие» мне совершенно не было нужно (оно – неинтересно, случайно, даже бестактно), то я поспешил ему ответить, что совершенно не нуждаюсь в «Предисловии» и что он напрасно волнуется; тогда он мне ответил письмом, рассказав в нем, что это «Предисловие» послужило поводом для неприятных объяснений с «Московским Книгоиздательством». Мне очень грустно, что его упрекали мной, тем более, что действительно: на другой день по отдаче «Предисловия» я досадовал, что дал такое неудачное предисловие к «Петербургу».

А.Е.Грузинский мне жалуется в очень милом письме (это – между нами) на Ник<олая> Сем<еновича> Клестова¹. И мне очень неловко выслушивать эти жалобы; я был у нас (помните?), когда говорили о том, что А.Е. тормозит «дела».

Живу очень спокойно: радикально занялся переработкой 2-ой части «Заметок», так, что теперь сам ими доволен (стилистически); тотчас же примусь за «Чудака»². С Алянским у меня была переписка, меня огорчившая; ему очень больно уступать «Чудака», ибо он

на нем строил журнал⁴, а мне нельзя ему уступить, ибо тогда я останусь без денег и без возможности писать «Чудака», перепечатка оборвалась: он, вероятно, отрезан от Москвы, и я ничего о нем не знаю; ужасно досадно!

Милый Михаил Осипович, очень много читаю, и всё уютные летние книги; читаю впервые «Моммсен», это так успокоительно; и – назидательно⁵; представьте: мне он нравится больше Плутарха! Его характеристики Цицерона, Катона, Помпея и Кая Гракха, по-моему, удивительны; Помпей у Плутарха⁶ совсем другой. Читаю много книг по Африке (между прочим, не отрываясь одолел Стэнли⁷); прочел 2 тома Фойгта (о раннем ренессансе)⁸, и мне манера его изложения куда больше нравится пресловутого Бурхардта⁹; сейчас июнь – для меня самый ленивый и трудный для работы месяц (жду июля, чтоб приналечь на «Чудака»; в июле, наоборот, всегда много работается). Здесь все-таки жизнь дорога: приходится обзаводиться продуктами; но – много молока, сметаны, творога и яиц, чего нет в Москве; хлеба и здесь нет! Как вопрос с Кислом?¹⁰

Остаюсь искренне любящий и преданный Вам Борис Бутсен.

P.S. Марье Борисовне и детям привет. Привет Вячеславу.

Адрес: Карачев. Орл<овская> Губ<ерния>. Малая Дворянская, д<ом> Светославской. В.Г. Анненковой. Мне.

¹ Имеется в виду предисловие к несостоявшемуся переизданию романа Андрея Белого «Петербург» (в сокращенной редакции) в «Книгоиздательстве писателей в Москве». 29 мая 1919 г. Белый писал А. Е. Грузинскому из Карачева: «Мне чрезвычайно стыдно, что Вы беспокоитесь за участь моего предисловия к «Петербургу». Оно было до того случайно, «безвкусно» и не вызвано необходимостью, что я только порадовался после нашего разговора о том, что оно не пойдет, потому что, отдав Вам книгу, я в этот же день подсадовал на себя: нельзя случайно вылившуюся шутку превращать в предисловие к толстой книге; разумеется, предисловие мне не нужно и, разумеется, «предисловие» я бросил бы в корзинку под стол, если бы Вы его вернули; и то, что Вы его утратили, – совершенно естественно: ни Вам, ни мне, ни «Издательству» с ним нечего делать» (РГАЛИ. Ф. 126. Оп. 2. Ед. хр. 2). 10 июня 1919 Грузинский отвечал Белому: «Я был рад Вашему письму и потому, что оно сняло с моей совести нелегкое бремя. Вам, конечно, неизвестно, что в связи с этим предисловием меня здесь пытались травить в Издательстве. Травить меня вообще было нужно, а Предисловие сыграло роль одного из поводов. Я Вам признаюсь прямо: оно мне сразу так не понравилось, что я показал его Клестову и, узнав его мнение, что отдельные его фразы цензурно рискованны, решил спросить Вас, стоит ли Вы за непре-

менное его помещение. После разговора с Вами я прямо порадовался, что его можно оставить в стороне, – порадовался собственно вне связи с цензурой. Теперь после Вашего письма мне ясно, что мое недовольство было однородно с Вашим собственным. Радость же моя оказалась невольной в том, что я, передав Клестову Ваше решение не помещать предисловия, тут же при нем, вопреки своей обычной осторожности, вынул листок из книги и с чувством облегчения отправил его в корзинку. Он несколько дней сидел во мне какой-то занозой, и рад был ее поскорее вытащить. Прошло время и пришла пора меня травить. Тогда мне был брошен упрек, что я nepозволи-тельно обращаюсь с авторскими рукописями. Я чувствовал, что поступил поспешно, и немедленно написал Вам» (РГАЛИ. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.179).

² А.Е.Грузинский писал Белому в цитированном письме: «Клестов – для меня человек теперь вполне определенный. Но мне жаль, что известное участие в истории принял и М.О.Гершензон. Я рад одному: что я ушел из заведующих еще до того, как мне был брошен впервые упрек относительно Вас».

³ Имеются в виду книги Андрея Белого «Путевые заметки» и «Записки чудака» (т.1-2. М.; Берлин, «Геликон», 1922); над последней Белый работал с осени 1918 г.

⁴ Самуил Миронович Алянский (1891–1974) – владелец издательства «Алконост». «Записки чудака» Андрея Белого печатались в издаваемых «Алконостом» «Записках мечтателей» (1919. №1. С.11-71; 1921. №2/3. С.7-95) под заглавием «“Я”. Эпопея. Т.1. Записки чудака. Ч.1. Возвращение на родину». Отдельное издание «Записок чудака», в «Книгоиздательстве писателей в Москве», – под заглавием «Возвращение на родину (Отрывки из повести)» (М., 1922) – включало лишь заключительные главы, не опубликованные в «Записках мечтателей»; возможные комбинации, связанные с осуществлением этого издания, Белый обрисовывал в письме к Алянскому от 7 мая 1919 г. (РГАЛИ. Ф.20. Оп.1. Ед.хр.14).

⁵ Имеется в виду многотомная «Римская история» немецкого историка Теодора Моммзена (Моммзен, 1817–1903). Ср. запись Белого об июне 1919 г.: «Читаю главным образом Моммсена (том за томом)» (Андрей Белый. Ракурс к Дневнику Л.99об.).

⁶ См.: Плутарх. Сравнительные жизнеописания В 3 т. М., 1963. Т.2. С.334-391.

⁷ Генри Мортон Стенли (Stanley; наст. имя и фамилия – Джон Роуландс; 1841–1904) – журналист, исследователь Африки. Белый вспоминает об июне 1919 г.: «Читаю <...> ряд сочинений, путешествий по Африке: Стенли, Беккера <...>» (Андрей Белый. Ракурс к Дневнику Л.99об.).

⁸ Георг Фойгт (Voigt; 1827–1891) – немецкий филолог и историк, исследователь раннего итальянского гуманизма, автор фундаментального труда «Die Wiederbelebung des classischen Altertums, oder Das erste Jahrhundert des Humanismus» (2 Bde, Berlin, 1880–1881; русский перевод И.П.Рассадина. «Возрождение классической древности, или Первый век гуманизма» В 2 т. М., 1884–1885). Чтение этой книги Белый относит к маю 1919 г. (Андрей Белый. Ракурс к Дневнику Л.99об.).

⁹ Якоб Буркгардт (Burckhardt; 1818–1897) – швейцарский историк культуры. Имеется в виду его книга «Культура Возрождения в Италии. Опыт исследования» (1860).

¹⁰ См. прим.5 к п.25. Задуманная поездка не состоялась.

27. Андрей Белый – Гершензону
Август 1922 г. Свинемюнде¹

Милый, дорогой, хороший Михаил Осипович,
Е.Я.Белицкий передал мне Вашу записку¹. Ее я положил себе на сердце, потому что Вас я люблю самой настоящей горячей любовью, чувствую в Вас старшего брата, и часто наставника, помню все часы, проведенные вместе. Позвольте Вас звонко обнять и надеяться на скорую встречу в Германии. Не пишу о себе; скажу лишь, что я сейчас веду легкомысленный образ жизни: пью (благостно), неселось, учусь танцам; и как змея, меняю шкуру. Присажайте к нам: все тогда расскажу. Мой сердечный привет Марье Борисовне.

Любящий крепко Б.Бугасен.

¹ Приписка к недатированному письму Е.Я.Белицкого к Гершензону. Процитирована (с неверной атрибуцией – как приписка на письмо С.Г.Каплуна к Гершензону) в комментариях И.П.Андреевой к кн.: Ходасевич В. Собр. соч. В 4 т. Т.4. С.658. Свинемюнде – курорт на Балтийском море (на о. Узедом в Померании, близ Штеттина); Белый жил там с 6 июля до начала сентября 1922 г. Ефим Яковлевич Белицкий (1895–1940) – заведующий отделом управления Петроградского Совета в 1917–1922 гг., руководитель петроградского издательства «Эпоха», имевшего филиал в Берлине; в этом издательстве вышли в свет книги Гершензона «Ключ веры» (1922), «Судьбы еврейского народа» (1922) и была подготовлена книга «Пальмира» (включавшая статьи Гершензона, написанные в 1918–1922 гг.), не вышедшая в свет (см.: Проскурина В. Течение Гольфстрема: Михаил Гершензон, его жизнь и миф. СПб., 1998. С.438–440). Белицкий прибыл в Германию в первой половине августа 1922 г. В письме к Гершензону он сообщает:

Приехав в Берлин, я прожил там всего 2 дня и переехал на неделю в Swinemünde, на берег моря, где живут С. Капун и Борис Николаевич. У меня была очень тяжелая поездка на грубом, неисправном пароходе; продолжалась она 8 дней (из Петербурга до Штеттина), и я решил раньше, чем приняться за серьезную работу в Берлине, отдохнуть недолго на берегу моря, где я сейчас живу. <...> «Эпохи» Петербургские и Берлинские слились. Со дня Вашего приезда сюда Вы будете получать у нас от 10 до 15 тысяч марок ежемесячно. <...> «Малые Прошпект» буду

издавать здесь, в Берлине. Покорнейшая просьба к Вам, если можно, захватить с собой материалы для этого сборника.

«Судьбы еврейства» скоро выйдут. «Пальмира» печатается. Относительно «Гольфстрема» я говорил с Геликоном. Вероятно, у Геликона эта книга и выйдет. Я еще не успел получить ответа окончательно. Сейчас здесь издатели печатают почти только для заграницы и России. Поэтому с «Гольфстремом» значительно сложнее, так как он только что вышел в России.

Через 2 дня буду в Берлине, где останусь надолго. <...> Пишу Вам между утренним и дневным купанием. О Берлине не пишу: Вы скоро сами лучше меня узнаете это. Бор<ис> Николаевич пишет Вам отдельно на этой бумаге».

(Упоминаемый в письме сборник архивных материалов под редакцией Гершензона был выпущен в свет Государственным издательством под названием «Новые Пропилеи. Т.I» (М.; Пг., 1923), переиздание книги Гершензона «Гольфстрем» (М., «Шиповник», 1922) в берлинском издательстве «Геликон», возглавляемом Абрамом Григорьевичем Вишняком (1895–1943), не состоялось).

² Это письмо Гершензона к Белому, по всей вероятности, не сохранилось.

28. Андрей Белый – Гершензону
24 февраля 1923 г. Сааров¹.

Saarow. 24 Februar 23 г.

Милый, горячо любимый Михаил Осипович, –

Наконец-то я собрался Вам написать; верьте, не собрался до сих пор лишь от потребности выложить Вам мою душу. Мое письмо к Вам, это те нежные и хорошие слова, которые выповариваю Вам каждый день почти, беседую с Вами лично; если бы хоть часть бесед закрепить в письмо, вышло бы не письмо, а послание страниц в 50; я все искал случая написать Вам такое послание, и не нашел (то – трепала берлинская суетня, то – припадки работы); до Рождества говорили, что Вы приезжаете в Берлин; и – ждал Вас с нетерпением, а Вы – не приехали. Вы были в Берлине так мало, и я узнал Ваш адрес в день Вашего отъезда; и сообразил, что идти к Вам уже поздно: Вы уезжали². Говорилось, что Вы скоро будете в Берлине; я все время очень-очень Вас ждал.

Милый, хороший, близкий мне Михаил Осипович, – несколько строк, переданных Вами Белицкому, положил я на сердце¹; они так меня взволновали. Спасибо Вам – всею душою.

Милый, хороший, — было так тяжело эти месяцы, тяжелей, чем когда-либо в жизни; и это ложилось камнем на душу, казалось, только в словах сумею найти слова; и эти слова я мысленно проносил, думая о Вас. Когда-нибудь буду много и долго рассказывать Вам о своей берлинской «Эпопее»; а пока так радостно было бы получить от Вас весть: как Вы, как Ваше здоровье, что Мария Борисовна?

Милый Михаил Осипович, я тут редактировал «слабый» журнал «Эпопея»⁴; теперь уже 3 месяца, как отказался от редактирования. Я Вас много раз звал в журнал (еще когда Вы были в России), и решил, что Вы не пойдете; да и гонорар («еликона») был нищенский; теперь есть возможность писать в «независимом» журнале («Беседа»); узнав, что В.Ф.Ходасевич Вас приглашает, присоединяю самые горячие просьбы откликнуться⁵; журнал абсолютно не политический. Редакторы Горький и Ходасевич; такой журнал нужен; да не смущает Вас Горький; он — необыкновенно хорош сейчас, действительно независим и от «правых», и от «левых». Остальные — зависимы⁶.

С горечью вижу это на примере наших москвичей Н.А.Бердяева, Ильина; Бог знает, как печально выглядит ихняя академия⁷. Они делают воистину вредное дело. Независимая «Беседа» была бы очень полезна, если бы независимые люди во имя культуры примкнули к ней.

Вот видите: уже о делах.

Но не о делах хотелось бы мне писать, а о том «внутреннем», что мысленно все время повернуто к Вам.

Милый, хороший Михаил Осипович, откликнитесь, хотя бы двумя словами.

Остаюсь глубоко уважающий Вас и нежно любящий

Борис Бугаев.

P.S. Мой сердечный привет и уважение Марье Борисовне.

P.S. Мой адрес. Dr. Boris Bugaevff. Pension Crampe. Victoria-Luise Platz. 9. Berlin. W<est>.

¹ Сааров — город-курорт близ Берлина; в феврале-марте 1923 г. Белый посещал там М.Горького. Письмо направлено в Баденвейлер, где Гершензон, прибывший в Германию вместе с семьей, проходил курс лечения.

² 27 октября 1922 г. Гершензон писал из Баденвейлера Л.И.Шестову: «Третьего дня мы сюда приехали и поселились, кажется, в хорошем пансионе. От Москвы ехали до Берлина сушей 4 дня <...> В Берлине прожили 4 дня. <...> В Берлине не видел ни Белого, ни Ремизова, ни Лундберга, не успел» (Минувшее: Вып.6. Указ. изд. С.269. Публикация А.Л'Амелия и В.Аллой).

³ См. прим.2 к п.27.

⁴ В 1922–1923 гг. вышли 4 номера журнала «Эпопея» (4-й – с обозначением: «Литературный сборник») под редакцией Андрея Белого в берлинском издательстве «Геликон».

⁵ 1-й номер журнала литературы и науки «Беседа» (издававшегося при ближайшем участии Б.Ф.Адлера, Андрея Белого, Ф.А.Брауна, М.Горького, В.Ф.Ходасевича) вышел в свет в Берлине в марте 1923. Письмо Ходасевича к Гершензону с приглашением участвовать в «Беседе» не сохранилось; в ответном письме к Ходасевичу из Баденвейлера (27 февраля 1923 г.) Гершензон писал: «Конечно, я охотно буду участвовать в Вашем журнале, если только будет чем. Все неизданное, что у меня было, я запродал еще в России, чтобы ехать сюда, а здесь ничего не писал: плохо себя чувствую» (De Visu. 1993. №5(6). С.32). Публикуя письма Гершензона, Ходасевич пояснил: «Это письмо – ответ на приглашение участвовать в журнале “Беседа”, посланное одновременно Андреем Белым и мной» (Современные записки. 1925. Кн.24. С.228). Сотрудничество Гершензона в «Беседе» не состоялось.

⁶ О взаимоотношениях Андрея Белого и М.Горького в Германии в 1922–1923 см.: Корещкая И.В. Горький и Андрей Белый // Горьковские чтения. К 100-летию со дня рождения писателя. М., 1968. С.194–197; Крюкова А. Творческое взаимодействие. Статьи о советской литературе. М., 1988. С.88–92.

⁷ Имеется в виду Русский Научный институт, открытый в Берлине 17 февраля 1923 г. Николай Александрович Бердяев (1874–1948) вспоминает: «Я активно участвовал в создании этого Института, был деканом отделения Института. Читал курс по истории русской мысли, при очень большой аудитории, и по этике. Немецкое правительство очень интересовалось этим начинанием и очень помогло его осуществлению» (Бердяев Н. Собр. соч. Т.1. Самопознание. Paris, 1989. С.288). Религиозный философ, правовед и критик Иван Александрович Ильин (1883–1954) был одним из организаторов, профессором и деканом Русского Научного института.

29. Андрей Белый – Гершензону Май 1923 г. Берлин¹.

Дорогой и глубокоуважаемый Михаил Осипович, хозяйка моя просит Вам передать, что если Вы хотите пользоваться телефоном в Вашей комнате, который, по-моему, не нужен (удобно разговаривать вполне и по общепансионскому телефону), то Вы должны заплатить предыдущему жильцу, Herr Gonzala, 30.000 марок; в противном случае он телефон увезет с собой. Я не знаю, в чем дело, но – по-моему: совершенно не стоит бросать 30.000 марок и право пользоваться телефоном какую-нибудь неделю (ведь есть телефон общий для всех). Хозяйка просит дать ответ, как быть с телефоном

(снимать или оставить его) по возможности скорей - сегодня к вечеру; или в крайнем случае - завтра утром до 11 часов

Остаюсь искренне любящий

Борис Бугаев

Я чрезвычайно рад, что Вы будете у нас.

Если захотите дать ответ по телефону, то наш телефон Lutzow-85-22².

¹ Датируется по времени приезда Гершензона в Берлин 22 мая 1923 г. он писал Л.И.Шестову: «Мы в Берлине уже почти две недели - Живем в том же пансионе, где А.Белый; он и устроил нас здесь. Рапаворы с ним мне очень приятны; ты знаешь, как я его люблю» (Минувшее: Исторический альманах. Вып.6. С.287). Гершензон поселился в пансионе Крампе (Victoria-Luise Platz), где, кроме Белого, проживали В.Ф.Ходасевич, Н.Н.Берберова и другие писатели.

² Ср. свидетельства Н.Н.Берберовой: «Пансион помещается на четвертом и пятом этажах огромного дома с мраморной лестницей <...> Комнаты наши выходят во двор <...> И есть комнаты, которые выходят на площадь - Виктория-Луизаплац - два этажа по фасаду - тоже Крампе (там живет Гершензон)» (Берберова Н. Курсив мой. Автобиография. М., 1996. С.185).

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПИСЬМО АНДРЕЯ БЕЛОГО К М.Б.ГЕРШЕНЗОН

Москва. 20 марта <19>25 года.

Глубокоуважаемая и дорогая Марья Борисовна,

Вы меня бесконечно радуете, что принимаете мои слова о Михаиле Осиповиче, слова скудные, немые; если их оправдывает что-либо, так это, действительно, моя любовь к покойному; и глубокая благодарность за все то, что он дал мне в жизни; он дал мне *действительно много*; и не только трудами своими, но фактом своего бытия. А последнее время, хотя мы и редко виделись (этому виной служила вся незадачная *техника* моей жизни), одна мысль, что где-то есть М.О., что всегда в крайней необходимости можно к нему зайти, - одна эта мысль поддерживала.

Дорогая Марья Борисовна, я конечно доставлю Вам сейчас текст моей статьи о М.О., как только получу его. Дело в том, что черновика у меня нет и текст в наборе (он появится в ближайшем № журнала «Россия»).

Марья Борисовна, когда мы стояли над М.О. у Вас, а он лежал такой спокойный, прекрасный и просветленный, я следил за непонятными для меня словами еврейской панихиды, но я их *понимал* душой; мне казалось, что слова кантора действительно открывают путь М.О. и что вот он уже встал и пошел – твердо, уверенно, ясно: пошел к Богу, куда и мы пойдем за ним; веяло тишиной сквозь боль и скорбь расставания; но тишина была от уверенности, что и мы пойдем – за ним: к Богу. И – стало быть: как-то встретимся; и – будем работать *там*; а для меня (как антропософа) и *здесь еще* – в далеком будущем. Для меня ясно (и как-то знаю это в себе), что мир *конкретной мысли* и связанный с мыслью *воспоминанием* есть единственно данная нам в этой, физической, жизни форма (хотя еще бледная) духовной жизни, т.е. *жизни вечной*, и что наши *мысли и воспоминания* после смерти нашей останутся в вышедшем из «тел» «я»; и там-то в них будет крепнуть рост нашего пути после смерти; *мысли и память* – это то, что соответствует телу новорожденного – *там*; а стало быть: *мысли* наши до смерти суть форма жизни духовной, аналогичная жизни утробной младенца; как из зародыша развивается гениальное, человеческое «Я» (всякое «Я» в себе гениально), так из мыслей наших развиваются непостижимые для нас богатства реальной жизни «там».

К чему я это говорю?

А вот к чему: *мысли* М.О., его *воспоминания*, оставшиеся с ним «там» о нас, и наши *мысли* о нем «здесь» – пересекаются *реально*: М.О. живет *с нами* в наших воспоминаниях, не аллегорично, а фактично; и обратно: мы пребываем с ним в культе *Памяти* о нем; и это, опять-таки, не аллегорично, а фактично: действительно. Формы нашего общения с близкими все время меняются; ребенок до 2-х лет еще не знает матери в нашем смысле; он ощущает мать как *душевно-физиологическое*, *его кормящее* тепло. Он не знает лица матери, ее морального мира; он не знает мать так, как потом ее узнает и как мы все помним наших родителей; *отрыв от груди* младенца есть в его младенческой жизни не меньшая катастрофа, чем для нас *смерть матери*; и вероятно: акт рождения есть смерть для младенца в его периоде *жизни в матери*.

Но итамен утраты матери, как *физиологической связи с ней* (зародышевая жизнь), итамен утраты матери, как *питающего тепла* (иная смерть матери), вырастает тот образ матери, который для нас имеет такой глубокий смысл: *образ моральный*; он вырастает из *смерти* двух других ощущений матери (1) мать, как *кормящая*, 2) мать, как имеющая родить в земную жизнь); если бы младенец способен был понимать в период своей жизни *до отрыва от груди*,

что он лишится *питающей матери*, то он наверняка пережил бы отрыв от *груды как смерти матери*, ибо *моральный обрат* матери в нем еще *слаб* (на нашем языке – «абстрактен»); с ростом сознания младенца мать *по-новому* возвращается к нему; и новый, моральный завет образуется между ними. Связь – восстановлена.

Все, что я пишу о матери и младенце, имеет касание к моим мыслям о М.О. ... Вот – *мать умирает*; остаются *воспоминания и мысли*, т.е. нечто абстрактное, не способное вернуть живое общение. Но это – фикция; это – рассуждение младенца, отнятого от груди, лишившегося животного тепла; и в нем – «*якобы и матери*»; пройдет год, два, – и «*мать*» ярко встанет перед младенцем в моральном облике: не как «*питающая и греющая*» грудь, а как человек. А после смерти человека-матери (третья смерть для «ребенка» ее) этот ребенок, если он сознателен, должен сказать: *жди новой встречи*. Смерти в «*смерти*» – нет; смерть есть предельная форма удаления от теперешней формы нашего сознания. Смерть есть переход.

И – вот.

Мы лишились «человека» М.О.; но мы не лишились *воспоминаний и мыслей о нем*; *воспоминания, мысли* – это в теперешней стадии жизни еще *слабое*, неокрепшее (и потому абстрактное) представление о высшей ступени *реальности*: действительности. Действительность – от слова *действие* (Wirklichkeit от Wirken); действительность – нечто *содянное*; она – не обстающая данность, а – итог какой-то работы. Духовная действительность есть творимая нами высшая ступень данной действительности. В моем мировоззрении эта высшая ступень – в конкретных, медитативных, т.е. действительных, мыслях, которые – реальный буря, пробуранивающий нас в «туда», куда ушел М.О. Мы лишились его облика, его «человека», согревавшего нас физической близостью, может быть, для того, чтобы еще прекрасней, еще ближе, еще моральней встретиться с ним завтра, уже не как с человеком, а как с «духом»; он – как бы ушел; но осталась *память*, т.е. укрепленные вниманием мысли о нем. Для меня, как антропософа, *память* есть действительное начало (уже сейчас) встречи с ним, как с Духом, подобное встрече ребенка с матерью-человеком, после смерти матери, как питающей груди. М.О. – не ушел от нас; и когда мы думаем о нем «отсюда» – «туда», он знает и слышит эти думы «оттуда» «сюда». Будем же работать над укреплением этой *реальной связи с ним*, и не будем думать о том, что «не могу согласиться, что остались мне одни *воспоминания*» (Ваши слова). «Одни *воспоминания*» – но и этом *воспоминания* – не *воспоминания*, а активная работа над восстановлением еще более тесных связей, чем прежде; мы должны усилием

нашей *разумной воли* превратить «*воспоминания*» в условия начала новой, и на этот раз *последней и теснейшей* встречи; этапы встречи с матерью младенца: 1) *Мать – меня обнимающий мир* (утробное состояние); если бы была психология утробного мира, то на языке этой психологии рождение в жизнь выглядело бы гибелью утробного мира, т.е. *гибелью матери*. Но эта гибель именно приводит к новой встрече новорожденного с матерью, как с кормящей грудью. 2) *Мать – меня питающее и греющее начало*: постепенно я забываю мою прежнюю мать (мир, меня обнимающий) и воспринимаю мать как нечто, непосредственно, животно касающееся меня. Если бы была психология питающегося грудью младенца, то на языке этой психологии *отрыв от груди* означал бы разрыв животной связи с матерью, т.е. опять-таки: *гибель матери*. Но именно эта гибель приводит к новой встрече начинающегося развиваться *человеческого* сознания: с образом *матери-человека* (а не груди).

3) Мать – самый близкий, самый чуткий человек: я утрачиваю память о матери, меня кормившей грудью, и воспринимаю мать «человечески» (душевно). Психология этого душевного лишения матери, смерти морального образа матери, и перенесение этого образа в страну «*воспоминаний и мыслей*», носила бы черты того чувства, которое совершенно естественно испытываете Вы, лишившись М.О. «*Осталась комната, битком набитая бумагами и бумажонками... несколько портретов. Это все от физического М.О. ... Как же он умер? Я этого не в силах принять*». (Ваши слова). Он – не умер: «*умер*» – глупое слово; мы лишились «*душевно-телесного*» образа; и от нас зависит, *развиваясь далее* (так, как развивает сознание оторванный от груди матери младенец), встретиться *еще раз* с М.О., уже как с Духом. Из духовного мира, который выше нас, – брошен в наше «*подводное царство*» узкий канат, по которому карабкаясь, мы можем выкарабкаться с дна морского на поверхность моря и быть выплывшими на корабль, где встретимся с близкими.

Корабль – духовный мир; матрос, бросающий оттуда сюда канат, чтобы некогда «*вытащить*» к жизни Дух М.О.; канат – его мысли «*оттуда сюда*»; жест наш – схватиться за спасительный канат; этот жест – укрепить наши мысли о нем, твердо зная, что мысли о нем есть реальное касание его нас, думающего о нас; надо волей к жизни творить уже близкую (не так нам всем далеко ждать) новую встречу с ним; оставим «*мертвецов*» потребать «*мертвецов*»; будем думать о «*живых*»; такой «*живой*» – М.О. «*Вечная Память*» («И сотвори ему Вечную Память») вовсе не «*воспоминание*», а еще не

* В автографе: *гибелью*

укрепленная в нашей душевности *точка* духовной жизни «Только воспоминания» – нет, не только: из этого «только» мы имеем еще здесь, на земле, возможности создать «все».

Марья Борисовна, – верьте; это – не абстракция, а *реальность*; наши якобы «реальные» отношения друг к другу «субъективные», «душевные», «личные»; ушла от нас только «личность» М.О., но она теперь – ширится «вне себя», охватывает нас, зовет не к могиле, а к жизни духовной. Я бы мог многое сказать на эту тему, но надо кончать.

Не был у Вас не потому, что не хотел быть, а потому, что в первые дни после нашей последней, печальной встречи налялся и «сердечных» *припадках*; потом – тьмы неизбежных хлопот, неприятностей; машина, на которой еду по жизни, мой велосипед, называемый «Борисом Николаевичем», портится; и я уже прошу у Бога отпустить меня, чтобы мне слезть с испорченного велосипеда, порой ставшего настолько беспомощным, что он уже разучивается передвигаться по земле. У Вас не был «испорченный велосипед», «Борис Николаевич». Но «Я» много раз думал о том, что соединяет наши духовные «Я».

Милая Марья Борисовна, – «Борис Николаевич» сейчас действительно болен: оттого-то не мог он быть и у Вас и на вечере, посвященном памяти М.О.¹; теперь этот «поломанный велосипед» выкачивают из Москвы, чтобы немного его починить²; как только он починится, – он «появится» у Вас. Пока же сердечно простите, что до сих пор я не был у Вас.

Но по возвращению в Москву³ буду непременно.

Главное: не верьте, когда физические и психические немощи заставляют меня не бывать у друзей. «Духом» я посещаю, насколько умею, друзей.

Я не допускаю мысли, чтобы временная разлука с М.О. могла отозваться в Вас как отчаяние; нет – эта временная разлука должна в Вас вызвать взрыв сил и желание работать над собой, как бы это ни казалось трудным, чтобы схватиться за канат, брошенный «оттуда сюда» М.О. Этот канат – «мир мысли о нем»: страна воспоминаний.

Христос с Вами!

Глубоко преданный Вам

Борис Бутяев

P.S. В то время когда писал Вам это письмо, мне звонил Лежнев, редактор журнала «Россия»⁴, с которым мы должны были быть у М.О. в среду⁴ (т.е. через неделю после кончины М.О.), дабы скло-

¹ В автографе: охватывается

² В автографе описка: из Москвы

нить М.О. к одной работе в журнале, в котором *стоит* работать. Лежнев на днях будет у Вас, завезет Вам корректуры моей статьи⁵ и будет покорнейше просить Вас дать что-нибудь из материалов, оставшихся от покойного, для напечатания в журнале «Россия». С моей стороны я замечу лишь: в настоящее время «Россия» – единственный «*sui generis*» журнал, печататься в котором имеет смысл.

¹ Вечер памяти М.О.Гершензона состоялся в Союзе писателей 16 марта 1925 г. См.: Ашукин Н. Заметки о виденном и слышанном. Публикация и комментарий Е.А.Муравьевой // Новое литературное обозрение. 1998. №33. С.238-239.

² Речь идет о принятом решении выехать для последующего жительства под Москву. 24 марта 1925 г. Белый переехал из Москвы в Кучино (по Нижегородской железной дороге).

³ И.Лежнев (наст. имя Исай Григорьевич Альтшулер; 1891–1955) – публицист, литературовед; редактор журналов «сменовеховского» направления «Россия» и «Новая Россия» (1922–1926). В журнале «Россия» были опубликованы глава из «берлинской» редакции воспоминаний Андрея Белого «Начало века» – «Арбат» (1924. №1), а также его «Дневник писателя. I. Ритм жизни и современность» (1924. №2) и некрологические статьи «Валерий Брюсов» (1925. №4) и «М.О.Гершензон» (1925. №5), в журнале «Новая Россия» – «Дневник писателя. Литература и недра быта» (1926. №3).

⁴ 25 февраля.

⁵ Подразумевается некрологическая статья «М.О.Гершензон».